

Крас

Привітть ізь Томска

СФДР-72

Т

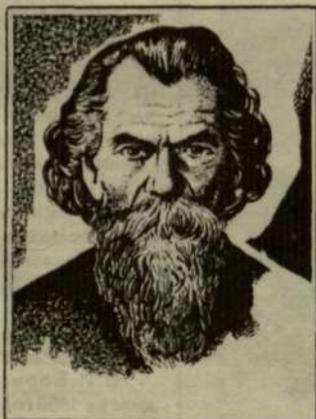
ОМСКАА СТАРІНА

№3(5), 1992

ТОМСКАА СТАРИНА

ИЗДАНИЕ м.п. "ОБРАЗ" ТОМСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

„Я ПРИГЛАШАЮ
ВАС
СВОБОДНО
ВЫСКАЗАТЬСЯ..
В СВЯЗИ
С СУДЬБАМИ
НАШЕЙ
СИБИРИ“

Г. Н. Потанин

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОМЕРА:

- Г.МУРЫГИН. "ЧУДЕСНЫЙ ФОТОМАСТЕР". стр.2.
Э.МАЙДАНЮК."ФОТОГРАФЫ СТАРОГО ТОМСКА". стр.4.
В.ЗАЛЕСОВ. "СОЛЯНАЯ ПЛОЩАДЬ". стр.6.
"БЫЛИ ЛИ У ТОМСКА СВОИ ДЕНЬГИ?" стр. 8.
Н.ДМИТРИЕНКО. "ТОМСКИЙ НЕКРОПОЛЬ". стр.10.
С.ВАВИЛОВ. "ПРОФЕССОР ПЕНИЯ". стр. 14.
В.МИНЕВИЧ. "ТОМСКИЕ ИЗДАНИЯ
ПО ПСИХИАТРИИ". стр.18.
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ. "СТАРЫЙ-НОВЫЙ ТОМСК". стр.23.
А.КАЗАЧКОВ. "А ВОКРУГ ГРЕМЕЛА ВОЙНА". стр.28.
В.КРЮКОВ. "ДЕЛО ШАТИЛОВА". стр.30.
В.КОЛЫХАЛОВ. ГЛАВА ИЗ КНИГИ
"КОГТИ ДЬЯВОЛА". стр.34.
ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
КОНКУРСА ПОЭТОВ. стр. 37.
В.РОДИН. "ДВЕРЬ". РАССКАЗ. стр. 38.
В.КУДРЯВЦЕВА. СКАЗКА. "ПШЕНИЧНЫЙ КОРОЛЬ".стр. 43
Б.КЛИМЫЧЕВ. "РОСЧЕРК НА БЫСТРОЙ ВОДЕ". стр. 44.
БУФФ-САД. стр. 46-48.

ЧУДЕСНЫЙ

Много лет мой домашний адрес в Барнауле и адрес "Фотоателье Сергея Ивановича Борисова" был один и тот же: "Улица имени Анатолия (Павловская) N 88. Ворота и калитка нашего двора находились под его мастерской. Она, размером 5х10 метров, опиралась на вертикально поставленные деревянные столбы. Одна стена фотоателье 10х6 метров, выходящая к нам во двор, была полностью застеклена. Иногда летом старшие ребята брали дома зеркала и пускали "зайчиков". Сергей Иванович просовывал свою седую голову в форточку и просил не мешать ему работать. Мы же не знали тогда о всемирной известности этого человека.

9 января 1911 года газета "Жизнь Алтая" сообщала своим читателям: "Летом минувшего года местный фотограф С.И.Борисов совершил продолжительную поездку по горному Алтаю со специальной целью фотографировать его в возможно большем масштабе и затем познакомить широкую публику с Алтаем при помощи волшебного фонаря. В план его съемочной работы, кроме пейзажа, который является главной работой, входили также и жанровые этюды, рисующие жизнь алтайских инородцев. За время поездки сделаны им до 1000 снимков для стереоскопа и открытых писем. Господин Борисов намерен в 1000 видах продемонстрировать Горный Алтай с Севера до Юга, с Востока до Запада..."

С 1907 года фотограф ежегодно отправлялся в свои экспедиции. Он смог подняться к самой Белухе и произвести уникальные кадры.

Сергей Иванович приобрел диапроектор, большой экран площадью 3,5 квадратных метра и решил показывать красоту Алтая широкой публике. Первое его выступление прошло в Барнауле, в Народном доме 14 января 1911 года. В день Сергей Иванович давал по 2-3 сеанса. Желающих было много. Позже Борисова пригласили в

Иркутск и другие города Сибири. И там его "сеансы" прошли также успешно.

В феврале 1911 года с такими же сеансами С.Борисов выступал в зрительном зале Бесплатной библиотеки в Томске. В газете "Сибирская жизнь" архитектор-художник Т.Фишель писал о своих впечатлениях о выступле-

публиковались в сибирской прессе, а также издавались в виде открыток.

В моей коллекции больше ста открыток-видов Барнаула, изданных по фотографиям замечательного мастера и столько же видов Горного Алтая.

Этнографические фотозарисовки Борисова были чрезвычайно интересны, а негативы снимков настолько высокого качества, что их

закупали многие ответственные издатели (например, владелец книжного магазина в Томске и Иркутске В.М.Посохин и другие), издавались открытки и в России, и за рубежом.

С детских лет знал, что дочь Сергея Ивановича Борисова работала на Новосибирском радио (Татьяна Сергеевна, выйдя замуж, не сменила фамилию). Поэтому как только переехал в Новосибирск, сразу же познакомился с ней. Показал ей свою коллекцию открыток, икон, сотни своих публикаций и попросил ее рассказать об отце.

С.И.Борисов родился в 1859 году в Симбирске. Имея прекрасный голос и артистические данные, юношей он сначала попробовал свои силы в оперетте. Потом судьба позвала его в Барнаул. Здесь он женился и в самом конце 80-х годов открыл лучшее фотоателье. Он был "фотомастером от бога". Сергей Иванович сам научился выделывать фотобумагу любых размеров. В 1898 году в

нии барнаульского фотографа: "Три часа, проведенные в части Алтая, благодаря г-ну Борисову, доставляли истинное художественное наслаждение. Виды Чуйского Тракта и все своеобразное величие Алтайских гор и долин. Типичные мосты, перекинутые через бурные речки, живописные виды водопадов... Пожелаем скромному провинциальному художнику успехов в распространении в широкую сибирскую публику серьезного интереса к жемчужине Сибири". Полторы тысячи снимков демонстрировал фотохудожник томскому зрителю. Снимки С.Борисова

фотоателье появилась юная жена инженера-химика Н.А.Ворсина - Лидия Александровна. Борисов предложил ей свой вариант. И супруги согласились. Юная дама в белоснежных боа и шляпке, под зонтиком, с белым пуделем, улыбаясь, смотрит на зрителя. Заказчики остались очень довольны.

Не оставляя Борисов и своего юношеского увлечения. По прибытии в Барнаул он вместе с другими организовал кружок любителей драматического искусства. В то время в город на гастроли приезжали три-четыре актера-профессионала. Они находили любителей и вместе ставили спектакли.

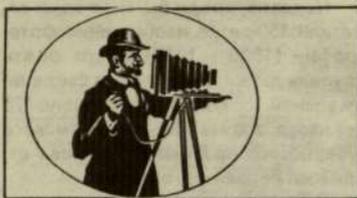
ФОТОМАСТЕР

Особенно удавались Борису роли Бобчинского или Добчинского в "Ревизоре" Н.В.Гоголя.

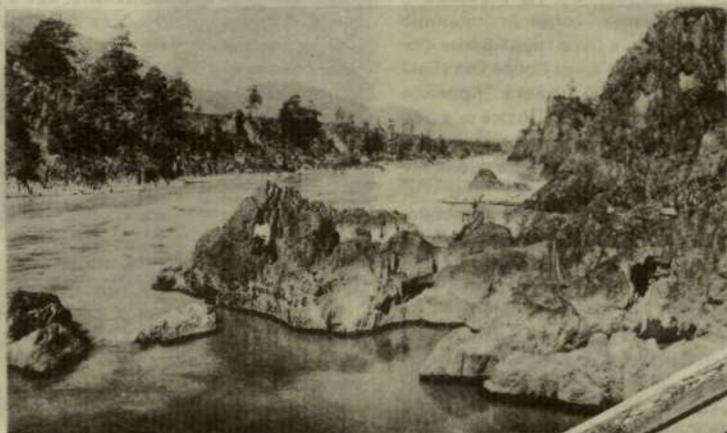
Во многих семьях и по сей день берегаются программки спектаклей того времени с участием С.И.Борисова.

В 1929 году родня и друзья чествовали юбиляра. Сергею Ивановичу исполнилось 70 лет, но он продолжал плодотворно трудиться. Скончался С.И. Борисов в 1935 году в Барнауле.

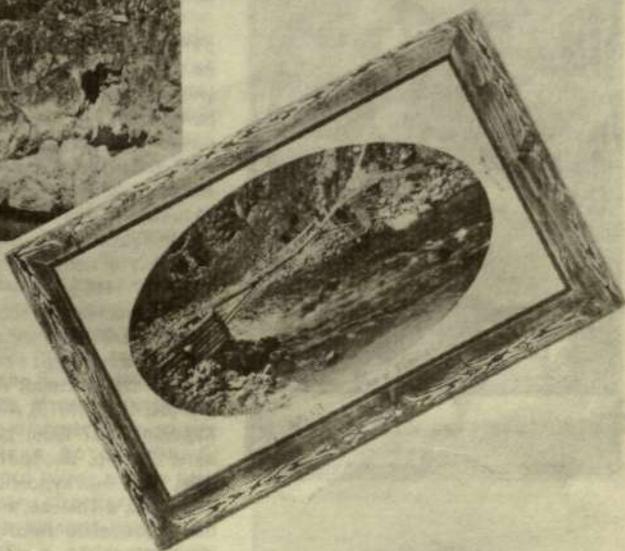
Вернувшийся с фронта барнаульский художник Василий Букатов вспо-

снимков. Детей целую. Поклон от всех. Ваша Макарова." Любопытно, что адресована открытка просто: Барнаул. Фотографу Сергею Ивановичу Борисову.

АЛТАЙ. — Р. Катунь, вид с Чемаля.

минал, как во время тяжелых боев за Кенингсберг, уставшие бойцы засыпали, выставив охранение среди руин. За ночь ветер надувал с верхних этажей разные бумаги. Утром земляки удивлялись: "Братцы! Чудеса! Смотрите: ведь это старинные открытки с видами Барнаула и Горного Алтая! Фотограф Борисов! Это ж надо!" Букатов часть открыток привез домой. После его кончины вдова художника, выполняя его волю, передала часть их в мою коллекцию".

Геннадий МУРЫГИН.

В тексте репродукции с работ С.Борисова: Автопортрет С.И.Борисова в 1929 году, портрет Л.А.Ворсиной. 1898 год, вид Алтая - тоже работа Борисова.

О том, что С.Борисов публиковался в томских изданиях свидетельствует сохранившаяся открытка, посланная в августе 1910 года из Томска в Барнаул - Борисову: "Милая Танечка и Сергей Иванович! Если есть что-нибудь красивое, особенно из видов Алтая, пошлите наложенным платежом, только велите напечатать получше: не принимает проклятая цинкография плохо напечатанных

ВСЕМИРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СОЮЗ РОССІЯ
UNION POSTALE UNIVERSELLE. RUSSIE.
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО. — CARTE POSTALE.

(для письма)

(для адреса)

Издание Т-ва А. Шенкина и Д. Суворова.

Милая Танечка и Сергей Иванович!
Иванович! Если есть что-нибудь красивое, особенно из видов Алтая, пошлите наложенным платежом, только велите напечатать получше: не принимает проклятая цинкография плохо напечатанных

Барнаул.
Фотографу Сергею Ивановичу Борисову.

WZ

ФОТОГРАФЫ

Недавно, вроде бы, мы с вами отметили 150-летие изобретения фотографии (1839 - 1989), и вот опять крупная дата: по некоторым сведениям весной 1867 года, то есть ровно 125 лет назад, в доме советника Томского губернского правления Ефимова открылась первая фотография.

О фотографиях прошлого пишут мало и неохотно. Раньше пролетарская гордость не позволяла, так как в созданном в 1902 году Томском обществе фотолюбителей оказались преимущественно чиновники, купцы и члены их семей, что уж говорить о профессионалах, когда доподлинно известно, что "в руки трудящихся фотоаппарат попал лишь после Октябрьской революции" (газета "Красное Знамя", 12 мая 1967 г.) Позже выяснилось, что старых мастеров мало кто помнит, а о новых как-то не очень хочется вспоминать.

Но старые фотографии сами говорят за себя, и, извините, закрадывается сомнение в искренности слов упомянутой выше газеты о том, что раньше "качество снимков... было низкое", а "чтобы быть на себя похожим, клиенту приходилось по три раза являться на съемку". Да, техника фотосъемки была несовершенной, но тем более высокие требования предъявлялись к мастерству самого фотографа. Недаром у истоков фотоискусства в России стояли профессиональные художники, выпускники Петербургской Академии художеств Василий Андреевич Каррик (ок. 1827 - 1878), Андрей Осипович Карелин (1837-1906), да и, к слову сказать, Даггер, изобретатель фотографии, тоже был художником.

У нас, в Томске, к началу XX века было довольно много фотографических заведений, значительно больше, чем сейчас. К сожалению, полным

списком их мы не располагаем. Трудность его составления в том, что подобные заведения часто переходили из рук в руки, переименовывались при этом, и теперь, чтобы добраться до истины, важно установить, какая фотография работала раньше, какая позже. Существенную помощь при этом оказывает датировка снимков.

Давайте посмотрим небольшую подборку старых томских фотографий. Вот на одной из них написано "Русская фотография Н.П.Прокопьева". "Русской" ее называли, скорее всего, потому, чтобы выделить как-то среди нескольких польских фотографий, появившихся у нас после известных событий 1863 года в Польше. Можно назвать по крайней мере три "Варшавские фотографии" в Томске. Владельцами их были Н.Гюлевич, Ю.Ержинский, Мацевич и К". А вот выписка из архивного дела: в 1887 году Каинский мещанин из сосланных на жительство Фелициян Лонцкой просит разрешения на открытие фотографического заведения в Томске...

На одном из снимков фирменное клеймо Мацевича погашено надпечаткой с именами новых владельцев - Милевского и Дубровина. Затем уже у них появляется свое собственное фирменное паспарту. Когда произошло переименование, точно не известно, но, судя по костюмам снимавшихся, - около ста лет назад.

Были и другие фотографии, но ни одно из вышеперечисленных имен уже не фигурирует в списке фотографических салонов, опубликованном в справочной книге "Весь Томск" на 1911-1912 гг. Список небольшой, поэ-

СТАРОГО ТОМСКА

тому позвольте привести его полностью, с расшифровкой старых названий улиц.

Ваккер В.Ф. - Магистратская, 16
(ул.Р.Люксембург)

Еланская - уг.Солдатской и Александровской (Красноармейской и Герцена).

Козлов Г.И. - Почтамтская, 34
(пр.Ленина)

Лобов В.Л. - Гоголевская, 40
"Моментальная" - Почтамтская, 3

Пеньковых - Подгорный переулок, 4 (ул.Беленца)

Пейсахов - Ямской пер., 4 (перулок Нахановича)

Сивницкий А.И. - Татарская, 10
Сибирская фотография - Монастырская, 1 (ул.Крылова)

Ткаченко А.А. - Почтамтская, 35
"Фотос" - Почтамтская, 13

Хаймович - Протопоповский пер., 4
Юньшев - Магистратская, 6

Возможно, для 1911 года этот перечень и был полным, но судить по нему обо всех фотографиях, работавших до революции, никак нельзя. Известно, например, что дом №9 на Соляной площади связан с именем В.П.Александрова - фотографа и издателя открыток. А на Никитинской улице, в доме №42 была фотография В.И.Соловкина. По его снимкам В.М.Посохин выпускал прекрасные цветные открытки с видами Томска, причем, в отличие от других подобных изданий,

снимки Соловкина нигде больше не повторялись.

Как не вспомнить сейчас деятельность томского фотографа Н.Ф.Селиванова. В юности он принимал участие, именно как фотограф, в экспедициях известного исследователя Алтая, профессора университета В.В.Сапожникова. По снимкам Селиванова и в Петербурге, и здесь, в Томске, издавались открытки.

Особо хотелось бы отметить тот факт, что Н.Ф.Селиванов был председателем Томского фотографического общества, существовавшего до 1915 года. Общество имело свое ателье на ул. Татарской, 10, "возле электрической станции", как было написано на обороте снимков. И еще существенная деталь: целью общества было создание в Томске фотомузея. К сожалению, такого музея до сих пор нет, хотя материалы об отдельных фотомастерах представляют несомненную ценность и, как можно предположить, будут интересны читателям нашего журнала. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Эдуард МАЙДАНЮК.

Фотографии из собрания автора.

СОЛЯНАЯ

Соляная площадь - единственная в Томске, сохранившая свое старое название. Первоначально на ней располагались хранилища соли и раздавалось соляное жалование. Отсюда и возникло название места, а затем и площадь.

Как градостроительное образование, площадь начала формироваться лишь в самом начале XX века. В 1902 году по двум сторонам площади, практически одновременно возводятся два крупных каменных здания: коммерческое училище и окружной суд. Для училища выигранным было само расположение на возвышенной, мало заселенной части города. Открывалась возможность занять большую площадь, на которой могли бы располагаться сад, площадка для игр. Оставалось место для расширения училищных построек. Первоначальный (эскизный) проект был составлен городским архитектором П.Ф.Федоровским, но составление окончательного проекта поручили известному архитектору Константину Константиновичу Лыгину. Строительство завершилось всего за два года, и 16 сентября 1904 года состоялось торжественное освящение постройки. "Новое каменное здание имеет обширные светлые классные помещения и рекреационные залы в трех отдельных этажах, кроме того имеются актовый и гимнастический залы, библиотека, физические и химические лаборатории с аудиторией, рисовальный класс, естественно-исторический класс, две столовых и кухню, обширные уборные и умывальные на каждом этаже", - так описывалось здание училища в 1910 году в сборнике, посвященном первому выпуску.

Композиция главного фасада симметрична, центральная ось выделена ризалитом, который венчает четырехгранный купол. Внешний облик решен К.Лыгиным в характерной для рубежа веков эклектической манере, без штукатурки, активно используя точеный кирпич различной конфигурации.

После переименования училища в политехническое, повлекшее расширение учебных функций, гражданскому инженеру А.Д.Крячкову поручается составить проект "увеличения" здания. В верхнем этаже предполагалось устроить большой гимнастический зал с приспособлением для сцены. Над "старой" частью корпуса пристраивается астрономическая вышка. В среднем этаже размещаются классы и кабинеты горного и землемерного отделений. Местная пресса подробно описывала Крячковский проект. Реконструкция была за-

кончена в 1914 году.

Здание окружного суда располагалось на противоположной, южной стороне площади, заняв угловое пространство квартала - территорию, принадлежавшую торговому дому "Е.Кухтерин и С-я". Этот же торговый дом вел строительство, начатое также в 1902 году.

В 1904 году, когда постройка здания была завершена, "Сибирская жизнь" писала: "Здание суда производит очень хорошее впечатление: и внешний вид его, и внутреннее убранство, за самым небольшим исключением, не оставляет желать ничего лучшего.

Помещается теперь суд в прекрасной архитектуры каменном доме, на крыше которого поставлена статуя богини Фемиды, а над самим подъездом зеркало с короной и надписью золотыми буквами "Закон".

Здание суда двухэтажное (не считая подвального, в котором отведены комнаты для служителей и 3 комнаты для охраны суда). В нижнем этаже помещается гражданское отделение (направо от входа) и камера прокурора суда (налево), которая ранее помещалась в отдельном от суда здании. В помещении гражданского отделения лучшими комнатами нужно признать светлый и обширный зал заседаний суда, обширная комната канцелярии суда и кабинет товарища председателя суда. Слишком мало по нашему мнению отведено места для посетителей... Широкая железная лестница, сначала одинарная, а затем разветвляющаяся на две, ведет из нижнего этажа на верхний. Над тем местом, где она разветвляется, поставлен бронзовый бюст императора Александра II.

В верхнем этаже помещается ка-

бинет председателя суда, его канцелярия, кабинет членов суда, зал общих собраний и уголовное отделение. В числе комнат, предназначенных для уголовного отделения, особое внимание обращает на себя прекрасный светлый зал заседаний, вмещающий 250 человек."

Здание было запроектировано архитектором "Г"-образным в плане объемом со "скошенным" углом. Главный фасад Константин Лыгин (а здание окружного суда также строилось по его проекту) выполнил симметричным, расположив центральный ризалит по оси примыкающей улицы, замкнув им ее перспективу. Внешне-

му облику архитектор придал "ренессанско-барочную" эклектическую трактовку, использовав трехчетвертные колонны дорического ордера, "флорентийские" окна и полукруглый фронтон по центру. Угловая часть украшалась балконом и треугольным фронтоном.

Два новых здания, расположившись по диагонали по отношению друг к другу, закрепили в пространстве основные габариты Соляной площади. В таком виде, не считая деревянных 1-2-х этажных строений, она просуществовала до конца 1930-х годов, когда на угловом пространстве северной части площади было возведено здание общежития мукомольно-элеваторного учебного комбината.

Здание общежития и примыкающего к нему 16-ти квартирного дома для преподавателей было запроектировано архитектором К.П.Кресабло. Крупный, распластаный на угловом пространстве, 4-х этажный объем органично вписался в окружающую застройку площади. Архитектор решил его в конструктивистской манере, о чем свидетельствует общее построе-

ПЛОЩАДЬ

ние объемов и специфичность композиционных приемов, но внешний облик сооружения получил трактовку, характерную для периода "советской классики". Здание обильно декорировалось элементами "исторической" архитектуры: на балконах появились балясины, на фасадах - лепные украшения и т.д.

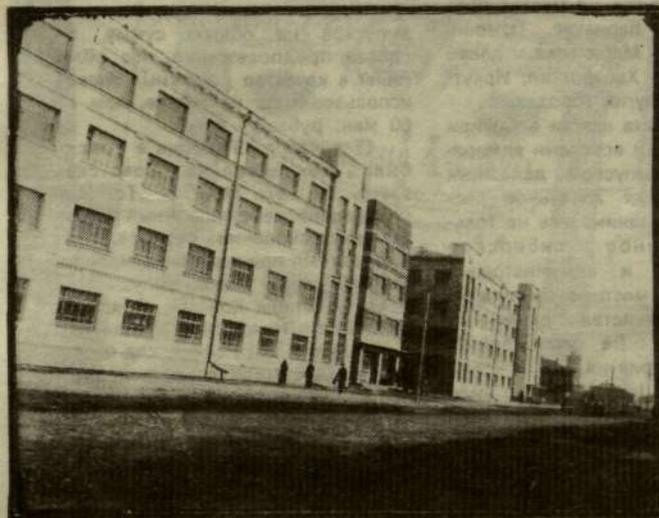
Срезанный в плане угол здания имеет небольшую надстройку, где расположено рельефное изображение элеватора. Несмотря на некоторое стилистическое несоответствие композиционных приемов формирования объема сооружения и его декоративного оформления, архитектура здания выгодно отличается от ряда помпезных построек сталинского времени.

Соляная площадь Томска не только сохранила свое название, но и свое своеобразие, присущее среде исторических городов. А Томск, как известно, имеет статус города исторического.

В.ЗАЛЕСОВ.

НА СНИМКАХ: коммерческое училище (ныне второй учебный корпус ТИСИ).

Окружной суд (ныне здание электро-механического техникума)

Общезнание мукомольно-элеваторного института (ныне третий учебный корпус ТИСИ).

30 марта в 9 часов вечера на Соляной площади тремя неизвестными был ограблен студент ТТИ К., причем ему острым орудием было нанесено

три раны в голову, отрублен палец на руке и отобрано 10 рублей.

Соляная площадь освещается всего одним фонарем, и то стоящим не посередине, а возле Коммерческого училища. Часть площади, прилегающая к Иркутскому тракту, - в полной темноте, а между тем тут имеются две харчевни и портерная. Первая - в де-

части. В особенности славился страшной силы Митрофанов, игравший пятипудовыми гирями, которые он как мячики подбрасывал кверху. Эти бои происходили по воскресеньям и на них съезжалась смотреть Томская публика. Силач Митрофанов сгибал железные полосы калачом, один боролся с десятком, не менее сильных

ревянном доме, последняя - в общественном каменном.

"Сибирские отголоски"
№ 52, 1910 год.

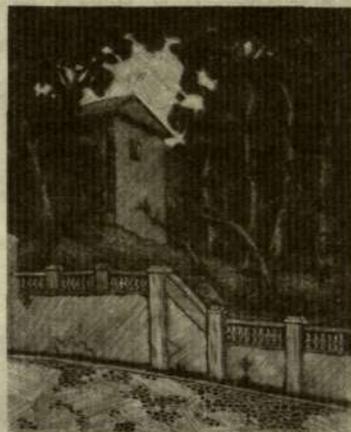
молодцов и устраивал массу фокусов, в которых играла главную роль его необыкновенная сила.

Однажды "войнишка" кончилась печально: Митрофанов кого-то "угостил" по совести и тот перешел в лучший мир. Было приказано арестовать его, и целый сонм городских отправился за ним. К удивлению Митрофанов обошелся с ними ласково, перепоил их всех в лоск, наложил полные дровни и, взяв за оглобли, торжественно привез в участок..."

Старый ВОРОБЕЙ

Из серии рассказов "Томские мемуары былого".

"Сибирский свет"
№ 39. 1917 год.

Когда-то в Томске в старые годы процветали по местному выражению "войнишки", то есть кулачные бои, которые не уступали боям на Москве-реке. Бои происходили за Истоком и на Соляной площади. ратоборствовали главным образом кузнецы-мещане и чернорабочие молодцы с заозерной

БЫЛИ ЛИ У ТОМСКА СВОИ ДЕНЬГИ?

Этот вопрос довольно часто задают начинающие коллекционеры, которые видят в коллекциях других собирателей денежные знаки или различные квитанции, на которых обозначено место выпуска. Более опытный коллекционер может ответить на этот вопрос однозначно: "Да, были", - и показать соответствующую бону. Но такой ответ не может удовлетворить любознательного вопрошающего, ибо немедленно порождает другие вопросы. Что значит "свои"? Признанные повсеместно на территории Томска полноценными деньгами, как средство платежа? А за его пределами? Кто выступает гарантом их полноценности? Каково их обеспечение? Нужны ли городу (местности) какие-то "свои" деньги, если существует общегосударственная эмиссия? Этот ряд можно продолжить и далее. Поэтому для более полного ответа на поставленный вопрос необходимо дать некоторые дополнительные пояснения, связанные с классификацией различных денежных знаков (бон). Прежде всего, что такое бон? Это собирательное название изъятых из обращения денежных знаков всех номиналов, выпусков, видов. В этом случае они становятся предметом коллекционирования (не собирательства и не накопительства), а сам этот вид коллекционирования получил название бонистики, которая изучает историю денежного обращения страны (государства).

Коллекционеры и исследователи подразделяют бон на два класса: обязательные и необязательные по условиям и характеру обращения.

Сам термин "обязательные" указывает на то, что данные денежные знаки или их заменители (суррогаты) имели обязательный прием в платеж, но в отличие от общегосударственных эмиссий их хождение было ограничено определенной территорией, которая контролировалась местными органами власти.

Когда появляются многочисленные местные выпуски, берущие на себя в какой-то мере гарантию оплаты и товарного обращения? Прежде всего, тогда, когда нарушены централизованные связи, когда государственной механизм разладился и не сможет осуществить функцию контроля ни за передвижением ранее выпущенной денежной массы, ни за ее твердым

обеспечением национальными ценностями. Для России таким временем была Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события 1917 года.

В связи с недостатком наличных денежных знаков установленных образцов краткими СНК в феврале 1918 года были введены в обращение так называемые суррогаты денег (бумаги, не имеющие обязательных признаков государственных денежных знаков): облигации "Займа Свободы" 1917 года четырех наименьших номиналов, 5-процентные краткосрочные обязательства Государственного казначейства, а также купоны государственных процентных бумаг со сроками оплаты с 1 января 1908 года по 1 декабря 1917 года включительно.

Вначале выпущенные в оборот облигации "Займа свободы" как денежные знаки не имели никаких дополнительных отметок. Несколько позже местные отделения Госбанка стали выпускать в оборот облигации различных займов с наложением на них печатей, штампов, особого пробивного знака. У Томского отделения Госбанка был пробивной знак "88 ГБ", который ставился на облигации в 20, 40, 50 и 100 рублей и добавлялась перфорация "1918". Кроме Томска подобные выпуски на местах производились в Барнауле, Тюмени, Екатеринбурге, Мариинске и далее на востоке - в Хабаровске, Иркутске, Чите и других городах.

После захвата власти в Сибири чехословаками и войсками адмирала Колчака выпуском денежных знаков, имевших локальное распространение, занимались не только Временное сибирское правительство и администрация Колчака, но и местные самоуправления, казначейства, различные правительственные учреждения, частные предприятия.

Летом 1918 года в Самаре было образовано белогвардейское правительство - "Комитет членов Учредительного собрания" (так называемый "Комуч"), которое, как всякое правительство, поспешило выпустить свои эмиссии, используя для этого облигации различных займов царского правительства. На них ставился ручной штампель Самарской конторы Госбанка с указанием о приеме этих облигаций к платежу "наравне с государственными кредитными билетами". Они имели хождение на территории Поволжья, Урала, Сибири. Местные

отделения Госбанка принимали их платежи, а затем погашали специальным штампелем. У Местных коллекционеров есть такие облигации, на которых стоит ручной штампель: "гор.Томск. Явлен к погашению в Томское отделение Государственного банка " " 1918 год. Управляющий Контролер Бухгалтер".

Осенью 1918 года в связи с освобождением Самары частями Красной Армии Самарская контора Госбанка была эвакуирована в Томск и уже здесь продолжала свои операции по выпуску в качестве денежных знаков облигаций довоенного и военного времени, но с пробивным знаком г.Томска. Постепенно в связи с отступлением войск Колчака все далее на восток, в Томск были эвакуированы отделения Госбанка из Екатеринбург, Тобольска, Тюмени, Бузулука.

В.С.Флеров, томский историк и коллекционер, специально исследовавший вопросы денежного обращения в Сибири в годы Гражданской войны, отмечал, что, судя по документам, простампелованные в Томске и с томской пробивкой облигации распространялись в качестве обязательных денежных знаков по всей территории Западной и Восточной Сибири вплоть до Владивостока и Якутска. Отмечая невозможность произвести точные подсчеты всех выпусков на общую сумму, он сделал предположение, что облигаций в качестве денежных знаков использовалось не менее, чем на 60 млн. рублей.

17 декабря 1919 года в Томске была восстановлена Советская власть, а 27 декабря Томской губернский революционный комитет на основании распоряжения Сибревкома приказал аннулировать все денежные знаки, выпущенные правительством Колчака. В январе 1920 года в Томск были доставлены расчетные знаки Российской Федерации, которые и стали основным средством платежей.

Таким образом, мы можем считать, что отмеченные особыми пометками Томского отделения Госбанка ценные процентные бумаги бывшей Российской империи не принадлежат только Томску, а были правительственными выпусками и имели обязательный характер.

Всего В.С.Флеров с помощью работников краеведческого музея и Н.Н.Круликовского выявил и описал 42 выпуска "томских денег" из облигаций различных займов и номиналов и более 90 разновидностей ручных штампелей и подписей. Э. КУЛИКОВ.

Люди смертны, увя... И всякое человеческое поселение испокон веков соседствовало с захоронениями. На Руси было принято хоронить близ церковей. Оттого и в Томске первое кладбище располагалось вокруг Троицкой соборной церковей, стоявшей на мысу Воскресенской горы, примерно там, где теперь возвышается Польский костел.

В конце прошлого века, писал исследователь томской старины профессор Дмитрий Беликов, во время строительства здания римско-католического благотворительного общества вырыли целую гряду костей с явными следами от сабельных ударов. Нашлись и черепа с застрявшими в них стрелами. Это было погребение томских служилых людей.

Именно раскопки строителей и обнаруживали древние погребения на Базарной и Благовещенской площадях, в начале Магистратской улицы, на месте Общественного собрания и Коммерческого училища. Город рос и наступал на старые захоронения.

Наконец место погребения в Томске вынесли далеко за его тогдашние границы, за Белое озеро, на выезд из города по Иркутскому тракту (современная территория ПО "Сибкабель"). О времени возникновения здесь православного кладбища, названного Вознесенским, можно судить по тому, что давшая ему имя деревянная однопрестольная церковь во имя Вознесения Господня была освящена, по сведениям Д.Н.Беликова, 14 октября 1787 года. В 1811-м (по другим данным годом раньше) на месте деревянного, усердием томского мещанина Михаила Карпова, возвели каменный храм.

Со временем Вознесенское кладбище, конечно, оказалось заполненным. В 1892 году созданная по предложению губернатора Германа Тобиэна специальная комиссия нашла "невозможным использовать кладбище в дальнейшем". Понадобилось, однако, десять лет, чтобы в октябре 1902 года техник Юшинский уведомил городского голову, что может быть открыто для погребения новое кладбище на Каштаке. Расположенное напротив Вознесенского, оно отделялось от него оврагом, называемым Страшным рвом. И поскольку прямая дорога с Воскре-

сенской горы туда отсутствовала, что очень затрудняло томичей, то они правдами и неправдами продолжали хоронить на старом кладбище.

В конце прошлого и начале нынешнего столетия на Вознесенском были погребены виднейшие томские предприниматели и жертвователи на нужды города, супруги Захарий и Федосия Цибульские, супруги Алексей и Фекла Пастуховы, Федор Пушкиков, Иван Еренев, Петр Вытнов. Здесь же покоился прах художника Павла Кошарова, писателей Валентина Курицына-Не-Крестовского и Всеволода Долгорукова.

С востока к православному кладбищу примыкали еврейское (здесь в 1917 году похоронили крупного предпринимателя Илью Фуксмана), единоверческое и римско-католическое, или польское. Известно, что на этом последнем кладбище были могилы уважаемых в городе врача Флорентина Оржешко, университетского преподавателя французского языка Франсуа Дебетца. На польском же кладбище стояла в 1911 года часовня Святого Антония, бессмысленно разрушенная в 1936 году под предлогом нехватки стройматериала. Ломать - не строить. Что возвели из кирпичей часовни, как и кирпичей всех порушенных томских храмов, до сих пор точно неизвестно.

На новом погосте на Каштаке во время войны с Германией, в 1915 году, было устроено отдельное братское кладбище для воинов, скончавшихся в Томске от ран. На польском кладбище хоронили умерших в томском концентрационном лагере военнопленных.

Городское военное кладбище располагалось со второй половины прошлого века на противоположной окраине Томска, рядом с другим православным погостом - Преображенским (сейчас на его месте корпуса ПО "Контур").

Преображенское кладбище возникло позже Вознесенского, в те, очевидно, времена, когда стали заселяться Юрточная гора и Елань. Первоначально его обозначали так: "против женского монастыря". Позже стали называть по имени близлежащей Преображенской церкви, выстроенной в течение 1848-1868 годов на перекрестке Ярлыковской и Преображенской (ныне улицы Карташова и Дзержинского). Собственного кладбищенского храма здесь не было. В.Славин явно ошибается, когда описывает в своей книге "Томск сохранный" церковь в центре Преображенского кладбища.

В 1911 году архиепископ Томский

ТОМСКИЙ

Преосвященный Макарий обратился к городскому общественному управлению: не найдет ли оно возможным благоустроить кладбище и выстроить там хотя бы однопрестольный храм, убрав анатомический покой. Управа высказалась за то, чтобы устроить церковь вне кладбища. Но и это предложение осталось неосуществленным.

На Преображенском кладбище находились могилы одного из первых томских краеведов князя Николая Кострова, гимназического учителя-просветителя Николая Баранского, дочери "первого декабриста" Раевского - Веры Ефимовой.

Южнее Преображенского и военного располагались лютеранское, впоследствии прорезанное и уничтоженное Учебной улицей, и магометанское кладбища.

Мусульмане, в основном, жители Заисточья с давних времен хоронили своих умерших "на полугоре близ верхнего перевоза", то есть вблизи нынешнего моста через Томь. В 1892 году их духовный глава, ахун Хамитов, обратился в городскую думу с ходатайством об отводе нового участка для погребений "за местом женского монастыря, за городским военным и лютеранским кладбищем". Просьбу эту удовлетворили.

Православные томичи, которые составляли почти девяносто процентов населения, имели еще два небольших кладбища - в мужском Алексеевском и женском Иоанно-Предтеченском монастырях. На них традиционно хоронили самых именитых горожан. В мужском монастыре, например, покоился прах старца Феодора Кузьмича, ныне причисленного к лику святых, золотопромышленника и мецената Ивана Асташева, председателя губернского суда Евгения Барцевского, исследователя местной истории Константина Евтропова. Во случалось, что здесь находили вечное упокоение и совсем рядовые томичи.

В городе издавна существовали и единичные захоронения около церковей. Этой чести по особому разрешению епархиального начальства удостоивались самые заслуженные священники или жертвователи на нужды храмов. Известно, что в ограде Троицкого кафедрального собора в 1906 году похоронили предпринимателя и филантропа Петра Михайлова, а вблизи Воскресенской церковей с 1898 года покоился прах Андрея Васильева, пожертвовавшего для храма тысячепудовый колокол. В 1912 году возле Троицкой Единоверческой церковей был погребен священник Алексей Ливанов, пять лет спустя - в ограде Бла-

НЕКРОПОЛЬ

говещенского собора - священник Александр Пензенский.

В первые годы советской власти в Томске хоронили по-прежнему. Появился, правда, ритуал "гражданских похорон", но случалось, их объединяли с церковными. Так, с профессором Василием Сапожниковым, умершим в августе 1924 года, сначала простились "по-граждански" в Актовом зале университета, а затем гроб с его телом перенесли в Троицкий кафедральный собор. После литургии и отпевания и состоялся похороны на Преображенском кладбище.

Большевики переняли и идею погребения в публичных местах. В январе 1920 года они произвели торжественное перезахоронение жертв колчаковцев на Ново-Соборной площади, с того времени переименованной в пл. Революции. Здесь в июле 1923 года похоронили также умершего в томской клинике секретаря Ново-Николаевского губкома ВКП(б) Аркадия Мардинковского. В эти же годы на Преображенском кладбище выделили особый участок и назвали его Коммунистическим. Впрочем, подобное наблюдалось и до революции.

На Преображенском, например, существовало отдельное место, где

хоронили "мучеников за свободу". Так назвал их в 1917 году Григорий Потанин, перечислив их имена: князь Александр Кропоткин, Александра Хоржевская-Волховская, Николай Поспелов, Николай Кузнецов...

На кладбище женского монастыря (теперь студгородок политехнического) существовал своеобразный "профессорский некрополь", а в нем могилы Эраста Салищева, Льва Тове, Сергея Тимашева.

Официально творимое надругательство над прахом людей, чьи имена составляли гордость Томска, началось с разрушением городских храмов. Закрытие и передача под иные нужды в 1929 и 1930 годах церквей женского и мужского монастырей означало и уничтожение монастырских кладбищ. Вознесенское и Преображенское, включая и рядом с ними расположенные кладбища иных вероисповеданий, стирались с лица земли уже после Великой Отечественной. И томичи постарше варварские эти деяния хорошо помнят.

В Германии, по свидетельству "Известий", действует "Закон о вечном покое". Он распространяется и на бывших врагов, погибших во второй мировой войне. В крошечной малоземельной Японии до сих пор ухажива-

ют за могилами русских воинов, умерших там еще в прошлом веке.

Что же происходит с нами, если прах соотечественников, людей, которые созидали Томск, мы выбросили из покоившей его земли и затоптали в грязь, а шумящие березовой зеленью кладбища отдали под заводы?!

Увы, содеянное не повернуть вспять. Но память о погребенных когда-то на томских кладбищах возродить можно. В настоящее время при Томском отделении Фонда культуры работает небольшая группа исследователей и студентов, которые восстанавливают по старым газетам необходимые сведения. Со временем списки погребенных и некрологи, в которых интереснейшие, уникальные материалы для истории города, мы надеемся издать, а места разрушенных кладбищ отметить памятными досками. Еще лучше - небольшими часовнями, чтобы старожилы могли поставить в них свечку в память о своих родных, люди помоложе - узнать имена создателей Сибирских Афин. А все вместе - испытать те чувства, которые, по словам Поэта близки каждому:

"Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам".

Надежда ДМИТРИЕНКО.

ЮЖНОЕ КЛАДБИЩЕ

Расположено оно на окраине города, близ железнодорожной станции Томск -1. В народе, да и в официальных бумагах, это кладбище называлось нередко Вокзальным, новым кладбищем за линией, а порой, по имени проходившего рядом тракта, - Коларовским.

Южное кладбище действовало с 1939 по 1962 год, став местом вечного упокоения для многих и многих томичей. А в период Великой Отечественной войны здесь было похоронено около тысячи солдат и командиров Советской Армии, скончавшихся в томских военных госпиталях от тяжелых фронтных ран.

Первые воинские захоронения произошли в 1942 году. Хоронили из госпиталей и прямо со станции. Ведь многие из направленных в Томск тяжело раненые воины умирали в дороге, не дожив до размещения в эвакогоспиталях. И встречавшие эшелоны с ранеными, а они обычно приходили ночью, тут же погружали умерших на телеги, спешно везли на кладбище неподалеку.

Воинские могилы на Южном кладбище размещались на двух участках: у центрального входа и вдоль центральной линии. Здесь же хоронили и тех, кто погиб в годы войны, исполняя воинскую

службу в тылу. Старожилы, например, до сих пор помнят четыре-пять взрывов на заводе радиомашин (ныне электротехнический), в результате которых погибли служившие в стройбате.

В северной части кладбища находится братская могила

двадцати курсантов Томского артиллерийского училища, погибших в военное время при исполнении служебного долга.

Первыми к выяснению имен погребенных на Южном кладбище воинов приступили работники облвоенкомата и горисполкома. Составленные ими списки уточняли и дополняли общественники. Среди них - неутомимая энтузиастка, жена военнослужащего Наталья Морокова, преподаватели и студенты-историки университета и педагогического института, члены городского и областного советов ветеранов, Общества охраны памятников истории и культуры.

Работали в архиве Военно-медицинского музея СССР в Ленинграде, в местных архивах. Выявляли численность и время пребывания в Томске эвакуированных, встречались с их бывшими работниками, собирали воспоминания и документы.

Тщательно изучив архивы и переписку с родственниками тех, кто был похоронен в Томске, Наталья Морокова внесла серьезные уточнения в документацию и вывела из списков "падших без вести" имена многих воинов.

Студенты университета, объединенные в группу "Поиск", ставили своей задачей изучить боевой путь захороненных в Томске воинов, выяснить их довоенные биографии. Кем были эти люди? Чем жили? О чем размышляли и мечтали? Для ответов на эти вопросы поисковики обращались в центральный архив министерства обороны СССР в Подольске Московской области, писали родным, на предприятия, в колхозы и сельсоветы, вели переписку с военкоматами и советами ветеранов тех мест, откуда ушли в свое время на фронт те, чьи могилы размещены на Южном кладбище.

География родных мест погребенных на Южном кладбище поистине обширна. Это села и города Воронежской, Смоленской, Архангельской, Владимирской, Кировской и Горьковской, Черниговской, Житомирской и Оренбургской, Пензенской и Новосибирской областей, Красноярского и Хабаровского краев, Армении и Карелии, Узбекистана, Казахстана и Латвии.

В 1960 году, в 15-ю годовщину Победы над фашистской Германией, на месте захоронения воинов было оформлено 300 могильных холмиков и установлена скульптура солдата, склонившего свою голову в знак скорби. В 1966 году Томский горисполком объявил Южное кладбище особо охраняемой мемориальной зоной. А к 30-летию Победы здесь был открыт некрополь.

Его составили оформленные ранее триста могил, на каждой из кото-

рых была установлена типовая стела с указанием на ней имени и воинского звания погребенного. Такие же стелы поставили и на десяти могилах старших офицеров, умерших и захороненных после войны. Две именные плиты из мрамора возложили на братскую могилу курсантов. На спуске с холма недалеко от курсантского захоронения и рядом с северной группой отдельных воинских могил на мраморных и красного гранита плитах увековечены имена и фамилии еще 618 солдат, сержантов и офицеров. Центром всей этой скорбной композиции стала скульптура солдата, установленная еще в 1960 году.

Авторы некрополя - томские архитекторы Виктор Новиков и Николай Яковлев. В строительстве его участвовали многие промышленные и коммунальные предприятия города.

И все же мы, томичи, остаемся в долгу перед павшими. Некрополь не всегда должным образом ухожен, в полузапущенном состоянии и все кладбище. Самое же печальное в том, что в спешке допущены неточности в надгробных надписях. На плиты некрополя внесены имена свыше 200 воинов, скончавшихся в томских эвакугоспиталях, но в то время, когда эти госпитали уже выехали из нашего города в европейскую часть страны. Следовательно, там и похороненных.

Упоминание имен павших воинов одновременно в двух памятных местах, может быть, и не такая большая беда. Печально то, что в некрополе не значатся имена воинов, которые скончались в тех томских госпиталях, чьи архивы не сохранились. Не известны, а поэтому и не увековечены и "стройбатовцы", погибшие на томском заводе. Поиск надо продолжать.

А сегодня низко поклонимся всем усопшим, захороненным на Южном кладбище. Воинам, павшим в боях за Родину, светлая, вечная память!

Валентина СОЛОВЬЕВА.

Старинные гербы Сибири и Томска

Гербы, как отличительные знаки рода, территории или целого государства, существуют с давних пор. В России долгое время гербы возникли стихийно сначала в виде эмблем. Они никем не утверждались, могли меняться и нередко использовались для украшения перстней, посуды.

Первая эмблема Сибири в виде стрельца известны с 1555 года, когда сибирский хан Едигер обязался быть данником русского царя Ивана IV. Именно тогда к прежнему царскому титулу прибавилось "вся Сибирская земля и северные страны повелитель", а на государственной печати Ивана Грозного появился новый знак - стрела.

В начале XVII века сибирская эмблема выглядела уже по-другому: два соболя, стоявших по бокам дерева на задних лапах. Так она вышита на покрывале, принадлежавшем первому в новом царском роду Романовых царю Михаилу Федоровичу. Известно еще одно, уже третье по счету, изображение сибирской эмблемы. На тарелке царя Алексея Михайловича вычеканены два соболя, стоящие на задних лапах и держащие стрелу острием вниз. Тарелка эта датируется примерно 1675 годом.

Тремя годами раньше, в 1672 году, появился первый русский гербовник - титулярник. Он стал проводником многих западных новшеств в русскую жизнь. И одним из них было увлечение гербами. Потому-то полный титул русского царя, записанный в Титулярнике, сопровождался миниатюрами с изображением гербов тридцати трех царств, княжеств и земель, названия которых составляли царский титул.

Эмблема Сибири, изображенная в

Титулярнике, отличалась от прежних. Но именно она в 1729 году была утверждена в качестве официального герба Сибири: "два соболя черных, стоящих на задних ногах, держат лук и корону золотые, меж ими две стрелы черные, а перья и копыта красные, поле белое". С тех пор, вплоть до 1917 года, это изображение украшало герб Российской империи, располагаясь на распростертых крыльях двуглавого орла, рядом с гербами других территорий, в разное время присоединенных к Московскому государству.

Первые сведения об эмблеме Томска содержатся в росписи городских печатей 1635 года, помещенной в "Служебной чертежной книге" Семёна Ремизова: "На томской корнуна, а около вырезано: "Печать государева Томского города". Тот же рисунок упоминался и в других росписях городских печатей.

Новая, петровская эпоха российской истории коснулась и городской геральдики. Дело в том, что Петр I повелел размещать армейские полки по губерниям и городам, на счет которых они и содержались. Эти полки получали, как правило, названия городов, а вместе с ними и городские эмблемы, которые стали изображаться на полковых знаменах. Тогда и выяснилось, что многие города не имели своих гербов, а другие, напротив, одновременно обладали несколькими различными эмблемами. Созданием стройной системы городских гербов занялась Герольдмейстерская контора, возникшая в 1722 году.

Над созданием гербов работал большой знаток геральдики Франциск Санти. Позже, уже в екатерининскую эпоху, этим занимался известный русский историк Михаил Михайлович Щербатов. Он создал свою концепцию составления гербов, ибо считал, что "должно по состоянию России сочинять Герольдику, где бы не чужестранные, но российские гербы в пример были поставлены, однако не отбиваясь от общих правил сей на-

уки".

В мае 1729 года были Высочайше утверждены десятки городских и областных гербов, в их числе и упоминавшийся герб Сибири. Тогда же появился и первый Томский герб: "Человек, стоящий в рудокопне, в руках рудокопательные инструменты, поле желтое".

Рудокоп этот не случаен. Дело в том, что в конце XVII века в Сибири начались усиленные поиски цветных и черных металлов. Правительство Петра I стало рассматривать рудоискательство как дело государственной важности. В 1696 году томский казак Алексей Ношкин сообщил в Сибирский приказ об открытии медной руды. Большое значение имело и открытие серебра на реке Коштак, в пяти днях езды от Томска. В 1696 или в 1697 году в Сибирь направился грек Александр Левандиани, который занялся разработками железных руд под Томском. В двадцатых годах XVIII века в Сибири, в том числе и в Томском уезде, начали строить металлургические заводы. Таким образом, томский герб 1729 года отразил новые направления в развитии экономики города. Однако, герб этот продержал-

ся недолго.

В 1782 году в Сибири было учреждено обширное Тобольское наместничество. Томск входил в него на правах областного города и в 1785 году получил соответствовавший герб: "В верхней части герб Тобольский. В нижней, в зеленом поле серебряная лошадь".

Куда же делся рудокоп? Дело в том, что богатых залежей рудных ископаемых в окрестностях Томска не нашли. И Томск не стал промышленным центром. Зато он получил широкую известность как торговый центр, крупный пункт перевалки грузов. В XVIII веке через Томск пролег Московский тракт. В 1746 году правительственным указом было велено "на проезде пути из Тары в Томск поставить зимовки, на которых крестьяне

ведомства Томского и Кузнецкого ямскую гоньбу отправляли бы". Извоз и разведение лошадей становились выгодным делом. Отсюда и лошадь на гербе: "в знак того, что лошади сей округи почитаются лучшими и что у близь живущих татар находятся конские заводы".

По данным исследователя Н.Спарансова, лошадь на томском гербе XVIII века стояла, а не бежала. Но и этот герб вскоре был заменен другим.

Став в 1804 году центром обширной губернии, Томск 20 марта того же года получил новый герб: "В щите, имеющем зеленое поле, изображена белая лошадь, бегущая в правую сторону".

Работа над городскими гербами продолжалась в России в течение всего XIX века, причем, под личным наблюдением царя. В 1851 году Николай I дал указание: "Принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов, кои впредь будут представляемы на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону".

Волю монарха по преобразованию российских территориальных гербов выполнил барон В.В.Кене. Заняв в 1857 году пост ученого геральдика, он унифицировал существовавшие гербы, сделал их носителями определенных сведений о территориях, привнес в каждый герб обязательный символ царской власти. Гербы столиц и губернских городов венчались императорской короной, гербы уездных центров - серебряной башенной короной с тремя зубцами. А гербы старинных русских городов получили царскую шапку, наподобие мономаховой. Кроме того, гербовые щиты губернских центров стали обрамляться дубовыми листьями с андреевской лентой.

Губернский Томск получил свой герб со всеми положенными ему по статусу украшениями 5 июля 1878 года и пользовался им вплоть до 1917 года.

Любовь РЫБИНА.

ПРОФЕССОР

Осенью 1903 года в томской газете "Сибирская жизнь" появилось объявление о том, что приглашаются желающие обучаться пению в школу профессора пения Матчинского. Подобные объявления время от времени появлялись в томских газетах. Приглашали преподаватели игры на фортепиано, учительницы пения, учителя танцев. Словом, томичам было что выбрать. Но на этот раз обыватели внимательно перечитывали это объявление, что-то в нем было непривычно. Наверно, слова "профессор пения", хотя в Томске своих профессоров было немало, и почему бы не быть среди них профессору пения? Но этот профессор был не знаком томичам. Иван Васильевич Матчинский мог с полным правом называть себя именно так. Он едва перешагнул полувековой возраст, а воспоминаний о своих ярких жизненных впечатлениях было уже немало... Оперные сцены Милана, Флоренции, Генуи, Петербурга, Харькова, Москвы были знакомы ему. Аплодисментами встречали его в театре "Ла Скала", в Большом и Мариинском театрах. И совсем уж не знали молодые дети томских купцов и мещан, что их коренастому, черноволосому учителю пения жали руку творцы русской музыки Петр Ильич Чайковский, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Антон Рубинштейн.

Матчинский был первым исполнителем многих партий, ставших классической басового репертуара. Партнерами Ивана Васильевича были многие выдающиеся певцы того времени. Довелось Матчинскому выступать и с Шалапиным. В 1901 году Шалапин впервые исполняет партию Бориса Годунова в Большом театре. Матчинский поет Никитича. Пел Матчинский с выдающимся басом Ф. Стравинским, баритоном Л. Донским. За дирижерским пультом Матчинский видел А. Аренского, Н. Римского-Корсакова, А. Рубинштейна, Э. Направника.

И вот сибирский купеческий город. Впрочем, сибирский край для Матчинского не был совсем чужим - позади были годы службы в Барнауле, годы учебы в Томской гимназии.

Иван Васильевич Матчинский родился в 1847 году в небольшом городе Тамбовской губернии. Еще в раннем возрасте у него обнаружился красивый голос и мать, певшая сама в церковном хоре, стала поощрять любовь сына к музыке и пению.

В поисках средств существования семья Матчинских, как и тысячи малоимущих россиян, отправилась в Сибирь, куда в 60-70 годах ехали в основном российские крестьяне. В

Томске Матчинский стал уделять музыке большое внимание, он не только сам пел в хоре гимназии, но и стал помощником учителя пения, помогая управлять хором, разучивать партии. Здесь же, в Томске, Иван освоил нотную грамоту, научился петь по нотам.

Однако не музыка поначалу казалась Матчинскому судьбой и карьерой. Он решил посвятить себя медицинской науке и хотел поступать в медико-хирургическую академию. Средств для поездки было недостаточно и после окончания гимназии Матчинский уезжает в Барнаул, где работает учителем пения в уездном училище. Скопив немного денег на поездку в Петербург, Матчинский в 1870 году отправился в академию и успешно сдал вступительные экзамены. Учение, надо сказать, давалось Ивану Матчинскому легко. Он прекрасно изучил древние языки: латинский и греческий, разобрался в истории. Однако занятия в академии шли с трудом, сказывалось и отсутствие средств, и болезнь.

Одна богатая графиня, услышав пение Матчинского на одном из благотворительных вечеров и узнав о довольно бедственном положении

студента, решила помочь ему и дала средства на обучение в консерватории.

В 1871 году Матчинский поступил в класс К. Эверарди в Петербургскую консерваторию. Эверарди, прошедший вокальную школу в итальянских театрах, пел и в России, а с 1870 года преподает сольное пение в Петербургской консерватории, где стал впоследствии профессором. Консерваторию Иван Васильевич закончил в 1875 году и сразу был приглашен в Харьковскую оперную антрепризу Бергера. Первый сезон был настолько удачен, что в 1876 году Матчинский приглашается в труппу Мариинского театра. Сценический опыт, полученный Матчинским во время выступлений в Харькове и в Италии, позволил быстро освоиться и на сцене прославленной Мариинки. Благо, его партнерами стали выдающиеся певцы и певицы: И. Мельников, В. Эйбоженко, Л. Люценко. Матчинского заметили маститые критики Г. Ларош и Ц. Кюи. Ларош писал: "голос не первоклассной силы, но мягкого и благородного, чрезвычайно приятного тембра, вполне чистая интонация..." Критик предсказывал Матчинскому

ПЕНИЯ

многообещающее будущее и оказал-ся прав. Матчинский уверенно стал исполнять ведущие партии басового репертуара: Мельник ("Русалка"), Иван Сусанин ("Жизнь за царя"), Руслан ("Руслан и Людмила").

Весьма значительным фактом биографии Матчинского стало участие в премьерных спектаклях опер П.И.Чайковского "Кузнец Вакула" и ее второй редакции - "Черевички". В них Матчинский исполнил партию казака Чуба.

По описанию хроникеров петербургских газет вид марининского театра представлял внушительное зрелище. "Зала была переполнена, и публика очень оживлена. Все знаменитости музыкального искусства были налицо. Среди всех выделялся Антон Рубинштейн. Присутствие Николая Рубинштейна, приехавшего ради этого вечера из Москвы, тоже очень было замечено".

И вот сам Чайковский встал за дирижерский пульт. Опера началась. И хотя она не совсем удалась в тот вечер, пение Матчинского было отмечено хвалебными словами. "Любовь публики уже приобретена господином Матчинским, и ему остается в будущем лишь поддержать ее добросовестным отношением к искусству" - так писал критик. Матчинский стал действительно надежным и очень ответственным партнером. После нескольких лет работы в Петербурге он отправился на гастроли в Италию, затем пел в Большом театре.

Летом 1891 года он соглашается на предложение группы актеров Московских театров дать гастрольи в сибирских городах: Томске, Красноярске и Иркутске.

Для Томска приезд оперной труппы в 1891 году был еще новинкой. Это была первая труппа с "настоящими оперными" артистами, если не считать большой опереточной труппы 1882 года, поставившей несколько оперных сцен. Спектакли шли сначала под роль, а затем сформировался небольшой оркестр с участием томских музыкантов. В труппе были опытные вокалисты: С.Давыдова, В.Соколов.

Матчинский выступил в операх "Русалка", "Фауст", "Демон". В свободное время Матчинский гулял по тихим томским улицам, где некогда прошло его детство. Томские газеты писали: "Голос его — сильный и некогда, несомненно, выдающийся бас — звучал чисто, гармонично, фразировка была хорошая, и он не только пел, но и играл, обнаружив и жизненность в исполнении, и недурную мимику".

Болезнь горла, излечению которой, к сожалению, не помогли итальянские доктора, прогрессировала и в 1901 году. Матчинский выходит в отставку с весьма любопытным званием "заслуженный артист Императорских оперных театров профессор пения", полученным им от дирекции этих театров.

Однако долго находиться на "пенсии" он не мог и без колебаний со-

гласился на предложение дирекции музыкальных классов Томского отделения Русского музыкального общества занять место преподавателя сольного пения.

В Томске Матчинский быстро сошелся со многими музыкантами и, в первую очередь, подружился с великопленной пианисткой А.Я.Александровой-Левенсон. Им было что вспомнить: Анна Яковлевна училась у Чайковского в Москве, а Матчинский неоднократно встречался с великим композитором на репетициях и оперных постановках. Вместе с Александровой-Левенсон Матчинский выступил в нескольких концертах, ставших крупным вкладом в музыкальную жизнь Томска.

Деятельность Матчинского снижала заслуженное уважение среди томичей и, когда в середине 1904 года прошли слухи об отъезде Матчинского, это стало предметом обсуждения в газете "Сибирская жизнь".

Матчинский, правда, в 1904 году отклонил предложение Киевского музыкального училища и остался в Томске еще на год. Однако холодный климат Сибири заставил Матчинского беречь себя и он уехал в Ярославль.

Деятельность Ивана Васильевича может служить образцом высокой требовательности и бескорыстного отношения к искусству. Для Томска начала XX века школа профессора пения Матчинского стала примечательным явлением.

Станислав ВАВИЛОВ.

На фотографии И.Матчинский (крайний слева) среди томских преподавателей. 1904 год.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Н.ЛЕОНОВА

В литературном мире "Сибирских Афин" начала XX столетия имя Николая Леонова малоизвестно.

Столь же скудны источники о биографии поэта-уроженца Сибири, о томском периоде в его жизни. В начале 20-х годов Леонов - профессор кафедры общественных наук Томского государственного университета. В 1922 году он покидает Томск.

В домашнем архиве недавно ушедшего из жизни старейшего томского краеведа И.М.Мягкова - университетского ученика Н.Леонова - сохранилось не вошедшее в книгу стихов поэта рукописное стихотворение, вероятно, одно из последних, написанных поэтом в Томске."

Вот текст этого оригинального стихотворения, в какой-то степени отражающего культурные идеалы старых "Сибирских Афин", с присущей Н.Леонову тягой к музыкальности формы, в целом характерной для поэтической лиры русского сессииона.

Скроет вечер омраченный
Побледневшее лицо,
На руке твоей точеной
Обручальное кольцо.
Душу вяжут обещанья,
Кольца вяжут кисти рук,
Как мучительно молчанье,
Как ненужен лишний звук!
В тишине глубокой муки
Мы прощаемся без слов,
Выразительнее руки
И немой поклон голов.
Единятся связью тайной
Наши мысли?.. Ими лишь
На молчанье, да случайно
И без умысла молчишь.
Может чуть не понимая
Мы простились у крыльца,
Вспыхнет искорка немая
Ненавистного кольца.

Томск. 1922 г.

"Книга лирики Н.Леонова "Стихотворения", изданная в Москве в 1915 г. Экземпляр этой книги с дарственной надписью И.М.Мягкова хранился в домашнем архиве Мягкова.

НАШ ЗЕМЛЯК — АКАДЕМИК Н.Н.ЛУЗИН

Один из крупнейших отечественных математиков Николай Николаевич Лузин был нашим земляком. Он родился 9 декабря 1883 года в Томске. Его отец был торговым служащим в торговом корпусе около бывшего деревянного моста через Ушайку. Николай Митрофанович происходил из крепостных крестьян графа Строганова. Мать — Ольга Николаевна — была из забайкальских бурят. Семья Лузиных жила в Томске в районе пристани.

Получив начальное образование в частной школе, Н.Лузин в 1893 году поступил в первый класс Томской гимназии, которая помещалась тогда в здании городского училища на углу Миллионной улицы и Хомяковского переулка. Теперь в этом здании на углу проспекта Ленина и переулка 1905 года находится станция скорой медицинской помощи.

В архиве сохранилась записка об успехах ученика первого класса гимназии Н.Лузина: арифметика — 4, чистописание — 3, география — 5, по остальным предметам — 4. В связи с временным пребыванием семьи Лузиных в Иркутске, в следующем учебный год он продолжил обучение там. В 1895 году Лузины вернулись в Томск. Сохранилось заявление Николая Митрофановича о принятии сына в третий класс гимназии, в котором "податель сего" давал обязательство снабжать третьеклассника всеми учебными пособиями и форменной одеждой, следить за его успеваемостью и поведением, своевременно вносить плату за обучение. Последние гимназические годы Н.Лузина прошли уже в новом здании мужской гимназии, напротив городского сада, построенного к 1897/98 годам. Н.Н.Лузин окончил гимназию в 1901 году. Из учителей гимназии особенно запомнились ему словесник П.М.Вяткин, "грек" К.А.Лалетин, математик В.К.Бобов. Надо сказать, что математика не была для Лузина любимым предметом до последнего класса гимназии. В гимназические годы Николай увлекался чтением натуралистов, книг по философии и романов Жюль Верна, влиявших на развитие его воображения.

В характеристике, выданной Лузину по окончании гимназии, отмеча-

ется, что он всегда был внимателен и исполнительен, отлично показал себя за годы учения, с особым интересом занимался физико-математическими дисциплинами, что подтверждается его высокими оценками по математике, математической географии, физике и географии.

По окончании гимназии Н.Лузин, уже увлеченный математикой, поступает на математическое отделение

крупнейшей математической научной школы. Кружок математиков, объединившихся вокруг Н.Н.Лузина, вошел в историю под именем "Лузитании". Исключительно велики заслуги Н.Н.Лузина в развитии математического образования. В форме преподавания Н.Н.Лузина неразрывно связаны учение и научное творчество. Именно это способствовало созданию многочисленной научной школы. К педагогическим заслугам Лузина нужно отнести создание учебников. Он пришел к оригинальному учебному пособию по важнейшему разделу курса высшей математики в высших технических учебных заведениях.

В 1936 году была санкционирована травля академика Лузина. В газете "Правда" были опубликованы статьи "Ответ академику Н.Н.Лузину" и "Враги в советской маске", пущен был в ход термин "лузинщина". По стране прокатилась волна митингов и репрессий. В защиту академика выступили некоторые видные ученые, в том числе академик П.Л.Капица. Всевышней милостью академик был пощажён, но вынужден на несколько лет покинуть Институт Математики Академии наук и Московский университет.

Умер Н.Н.Лузин в 1950 году. Столетие академика в Томске было отмечено специальным заседанием Отделения Сибирского математического общества.

Деятельность нашего земляка, внесшего значительный вклад в мировую науку, яркая страница развития математики в нашей стране.

Н. КРУЛИКОВСКИЙ

Московского университета. Дальнейшая жизнь и деятельность Н.Н.Лузина связана с Московским университетом и Академией наук. В 1927 году он был избран членом-корреспондентом, а в 1929 году академиком, сначала по отделению философии, а потом по отделению математики.

Математика стала для Н.Н.Лузина "необъятным полем живого творчества". В центре его научных интересов стали новые для начала века разделы математики. С 1917 года Н.Н.Лузин — профессор Московского университета, создатель

Деятельность нашего земляка, внесшего значительный вклад в мировую науку, яркая страница развития математики в нашей стране.

Из семейных архивов

БИЙСКИЕ ЯМЩИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Автор публикуемых воспоминаний - Владимир Павлович Шеляков - родился в Бийске в 1910 году. Там прошли его детские и юношеские годы, а в 1930 году он перебрался в Томск, где жил и работал вплоть до самой своей смерти в 1972 году. В Томске Владимир Павлович сделал блестящую (не побоимся этого слова) карьеру: начав с рядового сотрудника окружного статистического отдела, он в годы войны работал уже секретарем Кировского райкома ВКП(б), затем в обкоме, а завершил свой жизненный путь в должности председателя Томского обкома профсоюза.

Разные причины заставляют людей писать воспоминания: одним нужно осмыслить свою жизнь, другие хотят поделиться впечатлениями с близкими. Так или иначе, но любые воспоминания интересны, ведь в них - уникальный жизненный опыт человека. Мемуары и записки тех, кто жил в Сибири в предвоенные и послевоенные десятилетия, тем более важны и интересны, что мы, к сожалению, знаем этот период отечественной истории очень и очень мало...

Воспоминания В.П.Шелякова сохранила и передала нам для публикации его сестра, Нина Павловна Яценцаева, за что мы ей очень признательны. Возможно, в других семьях также хранятся подобные записки, старые семейные фотографии, документы. Приносите их в "Томскую старину" - по крупицам, всем миром восстановим подлинную историю родного края.

В Бийске семья наша жила, должно быть, с 1909 года. Сестра моя родилась в 1908-м в Барнауле, а я в 1910 году уже в Бийске.

Отца помню смутно, наверное больше по рассказам матери, а вот отъезд его на фронт вместе с другими мобилизованными в августе 1914 года помню очень четко. Очевидно, это связано с тем, что сядились они на пароход не на пристани, а почему-то ниже ее с крутого обрывистого берега. Пароход был украшен разноцветными флажками, помню полицейских и попов в ризах с иконами. В том же 1914 году отец погиб на фронте, и мать осталась одна с детьми...

В школу я пошел еще при Колчаке. Директором школы был Алексей Николаевич Сахаров, типичный представитель учительства того времени. Началу занятий предшествовал молебен и ежедневные молитвы в общей зале. Учительницей в начальных классах у нас была Феокиста Андреевна Жеребцова, которую мы все любили, и я до сих пор вспоминаю ее с большой благодарностью.

С восстановлением советской власти произошли изменения и в школе. Отпал не только закон божий, но и телесные наказания. В школах было введено горячее бесплатное питание. Чаще всего это был суп, который мы называли "похлебка с пробками": вместо мяса в нем были кусочки легкого, а на второе - каша...

В 1920 году мать вместо случайных поденных работ поступила в Утрамот (уездный транспортно-материальный отдел совнархоза) с квартирой при нем. В этом учреждении был сконцентрирован весь общественный гужевой транспорт. Здесь и началось мое увлечение лошадьми.

Со школой я расстался после 4 класса. Произошло это из-за необходимости помогать матери содержать семью, но немалое значение имела и моя любовь к лошадям.

В 1922 году поступил я к Андрею Богутскому, который вместе с двумя своими братьями занимался ямщиной по договору с уездным исполкомом. Богутские имели до 20 пар лошадей и нанимали в работники по 7-8 мальчишек и

парней. Никакой определенной платы за работу не было. Чаще всего расчет велся не деньгами, а то - мешком картошки, то - пудом муки...

Одевали нас хозяева плохо, во всем они скряжничали. Старые ямщики рассказывали, что дед Богутских начинал ямщину на захудалых клячах, которые часто вставляли в пути от голода. Однажды его застали на катунских лугах, когда он кормил лошадей, а сам поставил одну ногу на оглоблю и качал дугу, чтобы позванивали колокольцы и создавали у спящего пассажира иллюзию езды.

За три года службы у Богутских исколесил я тогдашний Бийский уезд, как правило поездки были ежедневными. У ямщиков действовал неписанный закон - меняться пассажирами со встречными возчиками. Хорошо, если это случалось на середине пути, а бывало, что обмен происходил вблизи пункта назначения. Уставший ямщик поворачивал в неблизкий путь. Правда, понимающие пассажиры не всегда шли на такой обмен - ведь на усталой лошади скорость будет не та.

Среди ямщиков-батраков существовало своего рода соревнование: у кого лучше бич, звонче колокольцы под дугой, ну, и конечно, у кого красивее кушак-опояска. У каждого имелись и свои любимые лошади, ездить же приходилось на разных, отсюда и жаркие споры о достоинствах и недостатках всех лошадей.

В коренниках мы ценили больше всего размашистую рысь, а в пристяжных - галоп с выбросом головы на сторону. Гусем, то есть цугом, ездили редко, нужды в этом в предгорьях Алтая не было: дороги там широкие, а снега мелкие. Верно, что и на этих широких дорогах считали мы высшим шиком на большой скорости, с гиканьем, зацепить осью за колесо встречного экипажа. Заметил я, что нравилось это и многим пассажирам.

В заречные маршруты, в предгорье Алтая, ездить было интереснее, несмотря на две переправы на пароме - через Бию и Катунь. Уж больно там красивая природа. Поездки же в степную часть уезда, на Яминское и Тогуль, были труднее, особенно зимой. Однажды возвращаясь в бурю из Новиково, в верховьях Бии, уже под городом, еду по реке, я заблудился. Проехав монастырь, не мог попасть в город, блудил между текстильной фабрикой и правым обрывистым берегом. Отчаявшись найти дорогу, отпряг пристяжную, она была из доморощенных, и пустил ее свободно, а на коренном - из новокупленных - поехал за ней следом. Вскоре, почуяв дорогу под снежными наносами, лошади пошли веселее, и я понял, что спасен.

В одну из поездок летом 1925 года вез я одного ответственного работника, который знал нашу семью. Он убеждал меня бросить ямщину, поступить рассыльным в его учреждение и учиться в вечерней школе. Так я и сделал.

Года три работал курьером в окрестотделе, а в 1928 году перевели меня сначала счетчиком, а потом и статистиком по сельскому хозяйству. Опять пришлось много ездить, тогда-то и встретился я вновь со своим бывшим хозяином Богутским. Был немало этим смущен и пригласил его переест с облучка на место рядом с собой. В этой поездке он неверное впервые отнесся ко мне как к взрослому человеку и по дороге рассказал, что служил в одной части вместе с моим отцом и видел, как тот был убит пулей навывлет в голову. Помнил, но это не помешало ему эксплуатировать сына своего фронтного товарища.

Владимир ШЕЛЯКОВ

ТОМСКИЕ ИЗДАНИЯ

Читатель-библиофил привык к захватывающим описаниям прославленных редкостей, знаменитых библиотек, характеристик маститых собирателей, букинистов, деятелей книги. Совершенно естественно, что интерес библиофила не может быть одинаково направлен на издания Радищева и трактаты по гельминтологии. (Пользуюсь случаем сообщить сведения об А.Н.Радищеве, которые мне были интересны как врачу. Во время пребывания в ссылке в Илимске А.Н.Радищев занимался врачебной деятельностью. Вскоре по возвращении из ссылки у него развилось "сильное расстройство нервной деятельности, вследствие чего он скончил самоубийством). О знаменитом писателе всегда интересно узнать что-то новое, медицинская же книга может привлечь внимание неспециалиста только в редком случае - например, инкунабула или автограф крупного ученого.

Поэтому библиофилов, занимающихся специальной медицинской книгой, немного, и публикуются они редко. Например, в 60-х томах "Книги. Исследования и материалы" есть единственная работа Д.И.Винокурова "Отечественные медицинские энциклопедии" (т.18), а специальных библиофильских исследований, касающихся психиатрической книги, мы вообще не видели.

Отвлечемся немного. В 1819 году М.К.Бриль-Краммер выпустил книжку под названием "О запое и лечении онаго..." /1/. Эта книжка, (точнее, брошюрка) ныне весьма редка, познавательную ценность имеет сомнительную (хотя, впрочем, в ней "запой" - алкоголизм на современном языке - впервые рассматривается как болезнь), однако она интересна как одна из первых работ по наркологии на русском языке. (Подобные работы опубликованы ранее /1774 - А.Бахерахт, 1775 - П.Берггус /2,3//.

Вроде бы она нужна только специалистам по истории психиатрии. Но библиофил, "раскручивая" тему, узнает, что книжка была в библиотеке А.С.Пушкина, а это уже интересно всем (у Б.Модзалевского она указана за N 50). В.Матусевич /4/ сообщает, что на внутренней стороне верхней крышки рукою Пушкина написано: "Милостивому Государю Братцу Льву Сергеевичу Пушкину". Естественно, возникает вопрос о причинах такого дарения. В.В.Кунин /5/ по этому поводу пишет: "...Статская служба Льву Сергеевичу не годилась: петербургские разлучения и потохи рейнштейна вытеснили из его памяти всякие

воспоминания о деловых бумагах. Пушкин даже вынужден был подарить "Милостивому Государю Братцу Льву Сергеевичу" с прозрачным намеком книжку К. (так у В.В.Кунина. Правильно - М.К.) Бриль-Краммера... Точную дату подарка установить трудно. Во всяком случае, это было после возвращения из ссылки. Обиженный Левушка, по-видимому, от подарка отказался, и книжка сохранилась в библиотеке Пушкина".

Разве останется равнодушным любой библиофил-томичк сообщению И.Г.Гмелина (1741), который в составе экспедиции Миллера несколько месяцев провел в Томске. За короткий срок его пребывания в Томске было шесть крупных пожаров, "...которые все произошли от кормчества" (цит. по /6/). Если же прочесть П.С.Палласа /7/ ("...Ни единого места не видел я такого, в котором пьянство было бы толь обще и толь высокой степени, как в Томске, еще к тому два господствующие и между собой свойственные пороки суть блудодеяния и французская болезнь") и И.П.Фалька /8/, который, побывав в 1771 г. в Томске, поражался частым пожарам, проистекающим "от беспутной пьяной жизни обывателей", то картина с пьянством и алкоголизмом в Томске становится прозрачной. Не самая приятная характеристика Томска XVIII века, но история - не объяснение в любви...

Каждому психиатру интересно прочесть ныне нечастую книгу томского историка Н.Новомбергского "Колдовство в Московской Руси XVII столетия" /9/. Автор, человек трудолюбивый и дотошный, собрал и опубликовал "дела ведьм и колдунов". Внимательное чтение этих "пыточных дел" разрешает психиатру утверждать, что среди несчастных жертв многие были явно душевнобольными (это подтверждается рядом источников - см., например, специальное исследование Н.С.Сперанского /10/).

Весьма любопытна и краеведу, и психиатру, и библиофилу томская периодическая медицинская печать. В отличие от коллег в других городах Сибири, томские врачи могли публиковаться в изданиях Томского университета /11/ и собственных "Трудах..." /12/. Психиатры в них публиковались не очень часто, однако есть интересные сообщения. Например, в "Протоколах общества..." за 1897 год опубликована короткая заметка Л.М.Орлеанского, "специально рассмотревшего нервные и душевные болезни у студентов". Это, вероятно, первое отечественное сообщение о распространенности психических за-

болеваний среди студентов.

В Томском обществе врачей еще в 1900 г. дебатировался вопрос об издании собственной газеты. В 1907 году была выработана программа, организован совет, имелся материал на 5-6 печатных листов. Катализатором был работник кафедры нервных и душевных болезней В.В.Корелин, человек всепоглощающей энергии. Газета не вышла из-за тягот военного времени.

После бесконечной бюрократической канители (в архиве мы ознакомились с двумя пухлыми томами переписки) 22 октября 1913 года, в день 25-летия университета вышел первый номер "Сибирского врача" (кстати, во всех публикациях, относящихся к истории медицины, указывается на начало выпуска в 1914 г. - см., например, статью в Большой медицинской энциклопедии, изд.3, т.14). Этот номер рассылался всем бывшим выпускникам университета и стал особо редким. Например, его не было даже в научной библиотеке Томского университета, и она его приобрела лишь в начале 80-х годов.

Каждому томичу (не только психиатру) интересно знать, что в первом номере опубликована статья П.П.Авророва, где приводится очень краткая история университета и поздравление медицинского факультета с юбилеем. Вопрос, чей юбилей празднуется - всего университета или медицинского факультета - даже не ставится за полную юностью (известно, что в составе одного этого факультета университет существовал первые десять лет). Показательно, что в сороковую годовщину редакция журнала "Сибирский архив теоретической и клинической медицины" пишет: "... таким образом, юбилейная дата - 40 лет - принадлежит, собственно, медицинскому факультету" /13/.

Выходила газета тиражом 700 экземпляров, объемом 1,5-2 печатных листа. Издателем был Н.Н.Топорков, блестящий организатор психиатрической службы, первый директор Томской психиатрической лечебницы, приват-доцент (некоторое время - заведующий) кафедры нервных и душевных болезней /6,14/.

Психиатры Сибири принимали самое активное участие в работе газеты, и некоторые их сообщения представляют интерес до настоящего времени. Так, в статье Т.И. Попова (1914) и работе Н.Е.Олейникова (1917) профессионально описываются т.н. "мерячение" и "мэнэрик" - редкие "нейро-психозы", встречавшиеся исключительно у якутов. На эти работы ссылаются и по настоящее время.

ПО ПСИХИАТРИИ ГЛАЗАМИ БИБЛИОФИЛА

Есть интересные данные и о других проблемах психиатрии. Например, А.А.Савельев /15/ приводит сведения о народных способах лечения алкоголизма. Говоря о "безудержном пьянстве народа, вплоть до усвоения грудных детей вливанием водки до рюмки", автор сообщает следующий "народный рецепт лечения алкоголиков": "Верным средством от запоя считается следующий: мертвецу в зубы кладут медный пятак, после того, как покойник вымыт, пятак перекалывают в стакан с водой, и этой "настойкой" поят страдающего запоем". (С точки зрения современного психиатра, этот метод не хуже и не лучше предлагающихся в последние годы "одномоментных" способов излечения от алкоголизма).

Большое значение газета уделяла пьянству и алкоголизму. После принятия печально известного "сухого закона" (который, кстати, вызвал неумеренный взрыв оптимизма у сотрудников газеты - "С пьянством, этим извечным стыдом и пороком России, покончено" - называют они передовую статью) появилась масса сообщений о самогеноварении, отравлениях суррогатами, бутлегерстве. Вероятно, интересно узнать, что на Каштаке было такое количество самогонщиков, что первоначальное значение слова "Каштак" ("зимний отдых") было забыто, и им стали называть подпольные винокурные предприятия.

С началом войны газета стала издаваться хуже - плохая бумага, неряшливая печать, двоянные, а затем и четверенные выпуски, и на NN 43-47 1917 г. газета прекратила свое существование.

Полный комплект газеты - очень большая редкость. Так, полностью все номера за 1917 год есть только в

библиотеке им.Салтыкова-Щедрина. Имеющийся в нашем собрании комплект, неполный, однако в таком виде он представляет незаурядный библиофильский интерес.

Эта же книжка с параллельными русским и немецкими текстами была выпущена для Западно-Сибирской и Дрезденской выставок 1911 года. Эти два варианта отличаются от первого

титulyными листами и приложениями /17-18/.

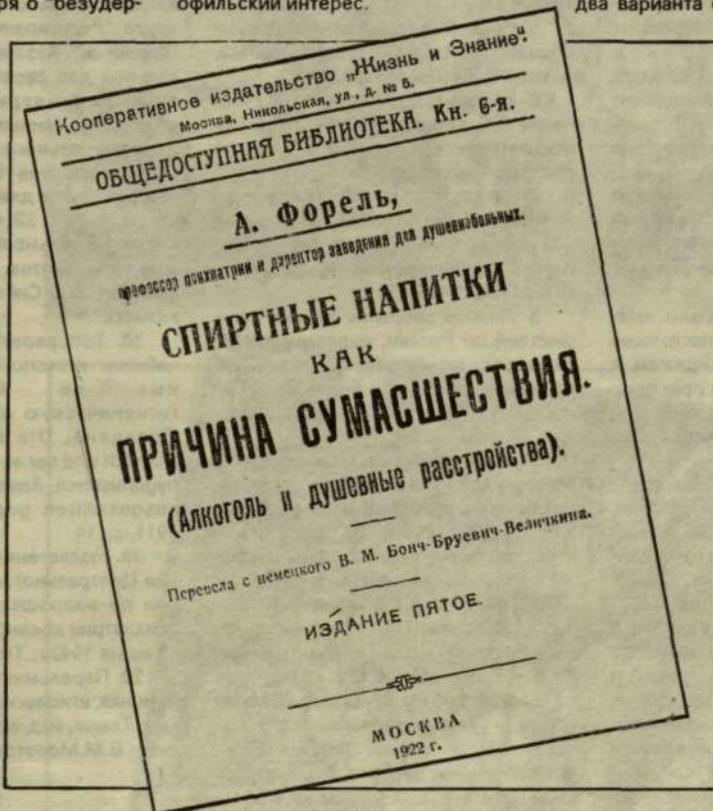
Книга весьма прилично издана, хорошо иллюстрирована и имеет определенную ценность для специалистов в области истории медицины и неосомненную - для краеведов.

Тираж книжки выяснить не удалось. За многие годы собирательства нам приходилось встречать первый вариант 2-3 раза, такая книга есть и в библиотеках. Книжки с русско-немецким текстом мы не видели ни разу, за исключением нашего собрания. Вероятно, они печатались микроскопическими тиражами, не представляли особого интереса для

современников и исчезли из обращения. Лшу себя надеждой, что они крайне редки (в нашем собрании, к тому же все эти книги - с дарственными надписями автора).

Томская лечебница приняла участие во Всероссийской гигиенической выставке 1913 года в Санкт-Петербурге, где, кстати, была награждена малой золотой медалью. К этой выставке была предпринята эмиссия открыток с видами Томской психиатрической лечебницы, около 25 открыток. В настоящее время они также редки, и почти полный комплект имеется лишь в собрании А.Б.Казачкова (г.Томск). Интересно отметить, что напечатанные "обществом потребителей при окружной психиатрической лечебнице" в захолустном Томске, эти открытки в полиграфическом отношении выполнены весьма хорошо.

Во время гражданской войны было не до психиатрических изданий.

9-14 сентября 1917 года в Томске проходил 1 съезд врачей Томской губернии, были выпущены два тома докладов (в 1917 и 1918 г.г., книги разного формата и на разной бумаге). Во 2-м томе опубликованы 9 докладов психиатров, сообщения которых представляют лишь исторический интерес. Этот сборник трудов тоже весьма редок.

Как мы упоминали, первым директором Томской психиатрической лечебницы был Н.Н.Топорков, переехавший в Томск из Вильно, где заведовал психиатрической больницей. Ко времени переезда он был не только высококлассным организатором психиатрической помощи, но и сложившимся ученым. /16/.

В 1911 году Топорков опубликовал монографию "Томская окружная лечебница для душевно-больных. Первые шаги". В ней сообщается о принципах работы больницы, даются сведения о составе больных и т.д.

В 1922 году в Томске выходил "Сибирский медицинский журнал", где печатались работы только томских врачей. Есть очень интересные мелкие заметки, важные для истории психиатрии в Сибири. Издавался журнал тиражом 600 экземпляров, просуществовал один год и погиб из-за финансовых неурядиц.

Ныне он очень редок, и мы испытали понятное удовольствие, поставив его на свои полки.

В 30-х годах психиатры Томска издали две небольшие научно-популярные брошюры, никакого интереса не представляющие.

В 1941 году в Томск был эвакуирован Центральный институт психиатрии, сотрудники которого вели активную научную и консультативную работу. В 1942 году прошла научная сессия по вопросам психопатологии травм головного мозга - актуальной теме военной психиатрии - и тиражом 700 экземпляров был издан "Бюллетень..." /19/.

Представленные материалы имеют некоторый интерес по настоящее время. Изданная малым тиражом в грозное время, эта книжка практически исчезла с книжного горизонта, и нам с немалым трудом удалось отыскать ее.

В течение многих лет кафедрой психиатрии Томского медицинского института заведовал крупный ученый А.А.Перельман, автор многочисленных трудов. В 1944 году он опубликовал монографию "Шизофрения" - первую крупную работу на эту тему в СССР /20/. Тираж этой книги - 500 экземпляров, ее довольно быстро "зачитали", и найти ее на букинистическом прилавке непросто. В нашем собрании она представлена "подносным" экземпляром - в твердом типографическом переплете (основной тираж вышел в мягкой обложке) с дарственной надписью автора. Такие экземпляры, естественно, единичны.

Благосклонный читатель может спросить: а представляют ли интерес все эти изыскания? Не является ли это все копанием в микроскопических мелочах?

Все это так, но добрая половина истории складывается из мелочей. Они и создают бесспорную достоверность эпохе. В науке, как и в литературе, есть фундаментальные и не очень значительные события. Полное описание событий всегда имеет интерес для истории.

И, самое главное, мне просто интересно все это выяснить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриль-Крамер М.К. О запое и лечении онаго. В наставление каждо-

му, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способе лечения сей болезни. М.1819.

2. Бахрахт, Андрей. О излишнем употреблении горячих напитков. Труды вольного экономического общества, т.26, СПб, 1774, с. 11-143.

3. Бергиус Петр. О действии хлебного вина. Тр.Вольного экономического общества, с.30, СПб 1775, с.1-34.

4. Матусевич В. Муза чтения - Альманах библиофила. т.XII. М.:Книга, 1982, с.140.

5. Кунин В.В. (составитель) Друзья Пушкина. Переписка, воспоминания, дневники. М.:Правда, 1984 т.1, с.74.

6. Красик Е.Д., Потапов А.И., Миневич В.Б. Очерки истории развития психиатрической службы в Томской области. Томск, 1980, с.10.

7. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской Императорской академии наук. т.2, кн.2. СПб, 1786, с. 429-430.

8. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук, по предложению ея президента. т.6. Записки путешествия академика Фалька. СПб, 1824, с.538.

9. Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия (материалы по истории медицины в России. т.III. г.I) СПб, 1906, с.134. Книга вышла в серии: Н.Новомбергский. Материалы по истории медицины в России. - СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. - 191 с.; Материалы по истории медицины в России. - СПб: Тип. Альшулера, 1906. - Т. II. - 341 с. + 13 с. Колдовство на Московской Руси (указ. соч.); Материалы... - Томское товарищество "Печатня С.П. Яковлева", 1907. - 763 с.; Врачебная экспертиза в допетровской Руси. - СПб, 1906; Основы борьбы с эпидемиями в допетровской Руси. - СПб, 1906.

10. Сперанский Н.С. Ведьмы и ведовство. М., 1906.

11. Труды общества естествоиспытателей и врачей при Томском Императорском университете, 1890-1891, 1894, 1895, 1913, 1915. Протоколы общества естествоиспытателей и врачей при Томском Императорском университете, 1892 (3 нумерованных выпуска), 1893 (три выпуска), 1894 - два, 1894-95 - один, далее до 1904 г. - по одному выпуску ежегодно, 1909, 1912, 1927, 1928. "Труды..." и "Протоколы..." в некоторые годы выходили отдельными книгами, но чаще в составе "Известий Томского Императорского Университета" за соответствующий год.

12. "Труды общества практических врачей Томской губернии" - 4 выпуска в 1903, 1910, 1911 и 1913 гг.

13. Сибирский архив теоретической и клинической медицины, 1928,

т.3, кн.4, с.336 (отдел разных известий и хроника).

14. Кушеверский Ю.Н., Милозорова С.И. Развитие психиатрической помощи в Иркутской области. Иркутск, 1968

15. Савельев А.А. Народная медицина в Приангарском крае. - Сибирский врач. Газета научной и общественной медицины". Томск, 1915, NN 15-16, с. 32-35.

16. Н.Н.Топорков был не только высококлассным ученым, но и весьма передовым человеком. Например, в труде "Религиозные движения и св. Франциск", Казань, 1912, он с удивительной для своего времени смелостью рассматривает одного из канонизированных святых как тяжело душевнобольного.

17. Топорков Н.Н. Томская окружная лечебница для душевно-больных. Существует с 23 октября 1908 года. Очерк деятельности лечебницы и описание экспонатов, представленных на 1-ю Западно-Сибирскую выставку в г.Омске".

18. Топорков Н.Н. Описание лечебницы и экспонатов, представленных на Международную гигиеническую выставку 1911 г. в Дрездене. Die Beschreibung der Ausstalt und der auf der internationalen hygienischen Ausstellung in Dresden ausgestallten gegenstande. Томск, 1911, с.114.

19. Бюллетень научной конференции Центрального института психиатрии по вопросам невропатологии и психиатрии военного времени. 30 мая - 1 июня 1942 г. Томск, 1942, с.101.

20. Перельман А.А. Шизофрения. Клиника, этиология, патогенез и лечение. Томск, изд-во Томского мед. ин-та им В.М.Молотова, 1944, с.288.

В.МИНЕВИЧ.

На снимке: титульный лист книжки А. Фореля, отсутствующей в собрании автора.

На этой странице воспроизведены открытки из упоминавшейся в статье В. Б.Миневича серии. Выпущены они были обществом потребителей при Томской окружной лечебнице. Общество имело целью обеспечение своих членов по возможно дешевой цене различными предметами домашнего обихода и продуктами питания. Общество для этого занималось многими видами предпринимательской деятельности, дающей доход.

Вероятнее всего, автором фотографий был известный томский фотограф. Вот что писала газета "Утро Сибири" в начале 1914 года:

"В фотографии А.А.Хаймовича изготавливается фотоальбом. Все снимки приурочены к юбилею 25-летия университета. Портреты профессоров, приват-доцентов, докторов и пр., выпускных студентов, виды университетских зданий, лабораторий, аудиторий... а также виды психиатрической лечебницы и снимки из быта ее обитателей".

"Снимками быта ее обитателей", прежде всего, и ценна эта серия открытых писем, ценна как интереснейший исторический документ.

Несколько открыток серии посвящены отдыху больных. Любопытен "театральный" сюжет. По поводу одного из таких представлений 1913 года "Сибирская жизнь" поместила такую информацию:

"... В психиатрической лечебнице состоялся любительский спектакль для больных. Была поставлена под режиссерством врача В.З.Левицкого небольшая пьеска из малороссийского быта "Чарка и колбаса". В тот же вечер была поставлена оперетка "Вечерницы" под аккомпанемент собственного оркестра."

П.СОНИН.

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

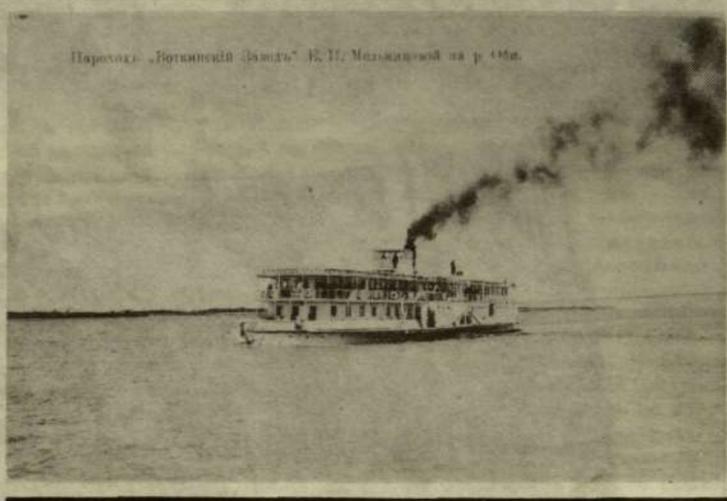
В трудные времена крушения идеалов и прежних представлений общество неизменно обращается к своему историческому прошлому. Политики и публицисты пытаются извлечь из истории уроки и поучительные примеры. Профессиональные историки и политологи, обосновывая закономерность всего существующего, анализируют настоящее и прогнозируют варианты будущего развития. Остро ощущают связь времен и рядовые члены общества: через поколения своих отцов и дедов ищут в прошлом опору и уверенность в возможности жить достойно.

Поэтому не случаен широкий поток газетных и журнальных публикаций, появившиеся обобщающих исследований на эти темы. В работах профессионалов, как правило, нет сенсационных разоблачений, но есть концептуально аргументированное, логически выстроенное представление о событиях и фактах минувших дней. К числу таких работ, несомненно, относится и монография В.Н. Большакова - "Очерки истории речного транспорта Сибири. 19 век." (Новосибирск. Наука. 1991 г. 216 стр. Тираж 420 экз.).

Автор, старший научный сотрудник Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета, давно и плодотворно занимается данной темой. В своей книге он исследовал роль и место речного транспорта в экономике региона, рассказал, как происходило освоение водных путей, в каких условиях развивалось судоходство, показал его технический уровень, а также проанализировал государственную политику по отношению к речному транспорту. Не обошел вниманием и частное предпринимательство, и социальные аспекты развития этой отрасли и осветил

многие другие вопросы.

Достоинством монографии В.Н. Большакова является использование разнообразных источников: ведомственных и частных документов сибирских и центральных архивов, материалов отраслевых изданий, периодической печати, мемуарной литературы. Статистические подсчеты, сделанные автором, позволяют предметно представить

Пароход "Иркутский Восток" В.Н. Мельникова на р. Обь.

развитие судоходства, его эволюцию в течение целого столетия. Приводится множество исторических фактов, подробно излагаются события, характеризующие сложность и противоречивость перехода Сибири к рыночным отношениям.

Хронологические рамки работы Виктора Большакова - XIX век - могут показаться чрезвычайно далекими от сегодняшних проблем. Но это только на первый взгляд. В сравнении с краткостью человеческой жизни процесс складывания хозяйственного уклада, трудовых, культурных и иных традиций, формирования социальных слоев и классов носит более продолжительный характер и всегда имеет свои корни в отдаленном прошлом. В этом смысле XIX век, особенно вторая его половина, знаменовал собой коренные социально-экономические преобразования в истории Сибири, как и страны в целом.

Развитие капиталистических отношений, буржуазные реформы при всей их непоследовательности

и половинчатости постепенно меняли структуру хозяйства, демографическую картину, социально-психологический облик, мотивацию деятельности населения Сибири. Закреплялись традиционные и формировались новые социальные качества сибирского общества, свойственные эпохе рыночной экономики. Об этом автор говорит подробно, подчеркивая "сметливость и труд простых судостроителей и судоробочих, предприимчивость и деловую хватку купцов и судопромышленников", "синтез всего народного опыта и его развитие применительно к конкретным условиям". Таким образом, тот далекий XIX век по многим своим существенным проблемам близок и нам.

Внимательный читатель найдет в работе В.Н. Большакова

много страниц, связанных с городом Томском, деятельностью его купечества. В одной из глав книги есть сюжет, посвященный Обь-Енисейскому пути, так заинтересовавшему томичей, судя по публикациям в местных газетах и документальному телефильму.

В целом, несмотря на очерковый характер, в монографии отражена довольно полно история речного транспорта, приоритетной отрасли сибирского хозяйства XIX века. Вопреки краткой аннотации, в которой говорится о том, что книга рассчитана на специалистов, думается, работа Виктора Большакова привлечет более широкий круг читателей, интересующихся историей своего края.

Борис АНДРЮЩЕНКО.

СТАРЫЙ-НОВЫЙ ТОМСК

Дорогой читатель!

С этого номера журнала мы начинаем публиковать сведения о старых районах нашего родного города.

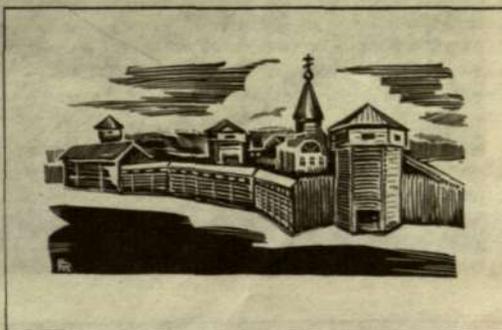
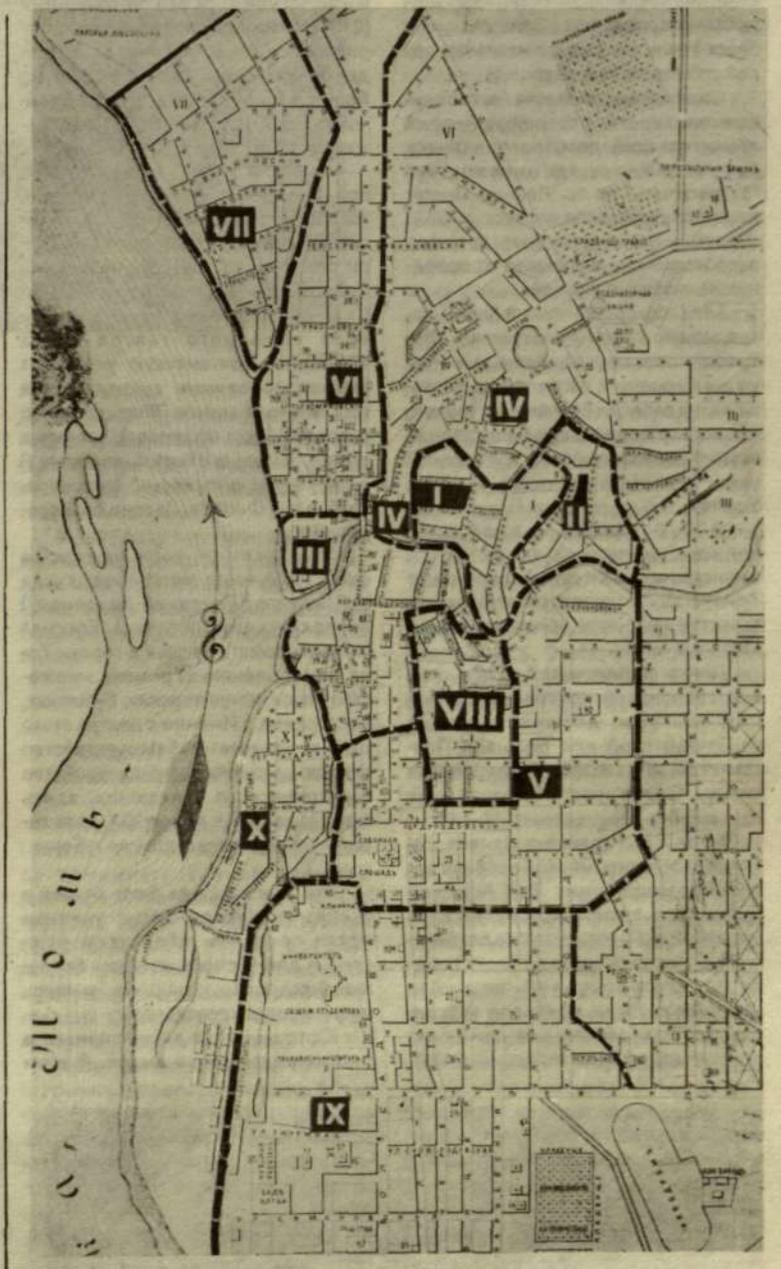
Мы - это коллектив филологов (сотрудников и студентов) Томского государственного университета и Томского государственного педагогического института, работающий над Словарем названий улиц города Томска. Наш словарь - не просто перечень улиц города, в нем уделяется внимание и происхождению их названий, и описанию наиболее интересных с точки зрения архитектуры и истории зданий. В основу словаря положены материалы периодической печати XIX-XX веков, историко-краеведческих исследований документов Госархива Томской области, краеведческого музея, института "Спецпроектреставрация", а также воспоминаний томских старожилов. Использование такого обширного, часто противоречивого материала ставило нас перед рядом трудностей. Например, иногда невозможно было определить точную дату постройки того или иного объекта, разграничить официальные и неофициальные названия - особенно это касается храмов и учреждений, подобрать точное соответствие новых адресов старым, четко очертить границы старых районов города и т.д.

В предлагаемой работе "Старый-новый Томск" приводятся фотографии города конца XIX - начала XX века, а также изображение тех же объектов в наше время. Такое сопоставление поможет читателю увидеть окружающий нас мир таким, каким видели его наши предки, сравнить то, что было, и что есть и задуматься над тем, что каждый из нас сможет сделать, чтобы не дать разрушиться и окончательно погибнуть оставшейся от прошлого красоте, чтобы сохранить в памяти наших детей и внуков "сокровенный" Томск.

Мы хотим, чтобы это небольшое "жизнеописание" нашего города (конечно же, не свободное от недостатков), было замечено общественностью, любителями томской старины, томичами. Дополнения, замечания, советы специалистов и старожилов мы с благодарностью примем и учтем в дальнейшей работе.

Авторский коллектив искренне благодарит О.Н.Касаткина и А.Б.Казачкова за любезно предоставленные в наше распоряжение фотопленки и открытки с видами старого Томска, работников Томского архива, института "Спецпроектреставрация", краеведческого музея, а также кандидата исторических наук Н.М.Дмитриенко за научные консультации, редактирование и помощь.

Людмила ЗАХАРОВА,
руководитель научного коллектива,
доцент кафедры русского языка Томского университета.

ЮРТОЧНАЯ ГОРА

Юрточная гора - пологий холм, на котором еще до основания города располагались юрты томских татар, а с XVIII века начали появляться и русские переселенцы. Постепенно юрты были перенесены в Заисточье и на берег Томи, а гора дала название одной из старых частей города.

Сначала в этом месте были только монастырские постройки. Первый обывательский дом, по преданию, был выстроен там, где ныне контора "Союзпечать" по пр. Ленина. Постепенно застраивался и спуск с горы. Людей привлекало возвышенное расположение, спасавшее от наводнений, и обилие ключей.

Глядя на современный план Томска, можно сказать, что границы Юрточной горы проходили на юге - по улице Герцена и части улицы Карташова, на западе - по улице Источной, на востоке сюда включалась средняя часть Красноармейской и Тверской улиц, северной границей служила Ушайка.

В 30-40 годы XIX века на Юрточной горе начинает складываться административный и культурный центр Томска, она становится местом жительства наиболее привилегированных томичей.

Центр формируется вокруг здания губернской почтово-телеграфной конторы, давшей название ул. Почтамтской или Большой Почтамтской, (Почтовой 1864 г.) иногда называвшейся просто большой (еще раньше она именовалась Миллионной). Ныне это проспект Ленина. На Почтамтской строит свой особняк золотопромышленник И.Д. Асташев (сейчас это здание краеведческого музея). Ф.А. Горохов, также разбогатевший после открытия вблизи города золотых россыпей, на месте нынешнего Дома офицеров устраивает особый "зеркальный дом" с огромным садом. В то же время, в 1845

году, на пустыре заложен кафедральный Троицкий собор, площадь вокруг него получает название Соборной, или Новособорной (ныне площадь Революции). Рядом располагается здание присутственных мест - губернского управления (СФТИ). Немного позже, на территории современного горсада возводится лютеранская кирха, а на Ярлыкской площади (угол ул. Дзержинского и Карташова) - Преображенская церковь.

На рубеже XIX - начале XX веков появляются на Юрточной горе дома, тогда составлявшие гордость Томска: ансамбль Новособорной площади завершают здания управления Сибирской железной дороги (ТИА-СУР) и располагавшегося за ним первого каменного театра купца Королева. Почтамтскую украшают спроектированные архитектором К.К. Лыгиным здания Общественного собрания (Дом офицеров), торговых домов "Штоль и Шмидт" (аптека N 1) и "Кухтерин и сыновья" (горисполком), дома Флеера (Дворец бракосочетания).

На Юрточной горе находился один из лучших магазинов, купца И.Г. Гадалова ("верхний гастроном") первоклассная гостиница Россия" (облвоенкомат), лучшая в городе баня промышленника Громова, множество лавок, кондитерских, булочных, ресторанов... Именно с центра этого района начинается благоустройство города - мощение улиц, устройство электрического освещения, здесь закладывается в конце XIX века городской сад перед домом губернатора.

Эта часть города была богата и учебными заведениями: ученики могли посещать губернскую мужскую и две частные женские гимназии, несколько начальных училищ, музыкальные классы и др.

Юрточная гора хранит память о многих выдающихся людях. В этом

районе жили писатели Константин Станюкович, Николай Наумов, проездом останавливался Глеб Успенский. В первые годы своего пребывания в Томске здесь снимал квартиру Вячеслав Шишков.

С Юрточной горой связаны события революционного прошлого нашего города. На Почтамтской улице и Новособорной площади проходили демонстрации и митинги. В октябре 1905 года площадь была свидетельницей черносотенного погрома, когда во время митинга были подожжены здания Королевского театра и управления Сибирской железной дороги. Сотни людей были зверски убиты, искалечены и сожжены заживо, театр сгорел. На Соборной площади состоялся "праздник революции" 10 марта 1917 года. В 1920 году здесь была устроена братская могила большевиков-подпольщиков, погибших от рук колчаковцев (позднее недалеко от могилы был установлен памятник). Нередко в эти дни площадь называли площадью Свободы, а с начала 20-х годов за ней окончательно закрепилось название площади Революции.

В 1935 году на месте незадолго до того разрушенного Троицкого собора был разбит сквер и выстроена трибуна с памятником Ленину.

В годы советской власти за Юрточной частью города сохранилось значение центральной. Бывшая Почтамтская получила название Ленинского проспекта, а затем - проспекта Ленина, были переименованы и многие другие улицы. Само название "Юрточная гора" тоже почти забыто, переименовался во многом и внешний облик района, практически все храмы в этом районе, были разрушены, архитектурные памятники гражданского характера, среди которых и ряд прекрасных образцов деревянного зодчества, сохранились.

ДОМ ОФИЦЕРОВ

На этом месте в середине прошлого столетия стоял красивый деревянный дом богатого золотопромышленника Философа Горохова с огромным садом, спускавшимся к Заисточью. Когда Горохов разорился, особняк был отдан под "Благородное собрание". В 1898 году здание сгорело, и через два года здесь было выстроено на собранные по подписке средства новое "Общественное собрание" по проекту архитектора К.К. Лыгина.

"Путеводитель по г. Томску и его окрестностям" (1905 г.) свидетельствует: "В члены собрания допускаются интеллигентные лица всех званий и состояния. Членский взнос - 15 руб. в год... При собрании имеется об-

ширный театральный зал, отдающийся желающим для устройства концертов, спектаклей и т.п... Кроме того зимою каждую неделю для семей членов собрания устраиваются бесплатные спектакли..." Здесь играли на сцене любители и приезжие гастролеры-профессионалы, читались публичные лекции. Зал общественного собрания видел немало знаменитостей: в мае 1909 года шесть спектаклей дала Вера Комиссаржевская со своей труппой, выступали Л. Собинов, К. Варламов, А. Вядьцева и другие известные артисты. Часть сборов с вечеров поступала нередко в пользу нуждающихся студентов.

Во время первой русской революции в здании Общественного собрания проходили многолюдные митинги с призывами к свержению самодержавия. В дни Февральской революции 1917 года здесь также собирались томичи, члены различных партий и общественных организаций.

В мае 1920 года в бывшем Общественном собрании начал работу центральный гарнизонный красноармейский клуб, переведенный сюда из библиотеки Томского университета. Помещение было отремонтировано. Газеты сообщали, что "большое зрительное зало вмещает до 1200 человек". Для красноармейцев работала библиотека с читальным залом, драматическая студия, спортивная секция, предполагалось открытие секции изобразительных искусств, музыкальной, школы политграмоты. Ставились спектакли - "На дне" Горького, "Последний день Парижской коммуны", опера "Борис Годунов" и др., выступали лекторы, проводились концерты и митинги. Клуб первоначально носил имя большевика Ивана Смирнова (впоследствии репрессированного). Позже был переименован в клуб им. Н.Н.Яковлева.

Имя Яковлева, председателя ЦИК Советов Сибири, погибшего в 1918 году в гражданской войне, носит и гарнизонный Дом офицеров, расположенный ныне в бывшем общественном собрании.

В 1970 году при капитальном ремонте был полностью утрачен уникальный интерьер большого зрительного зала, допущены значительные переделки в других частях здания.

ТРОИЦКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

История Троицкого собора начинается с того, что на формирующейся административной площади (сейчас пл.Революции), где только что было выстроено здание губернского правления, решили возвести новый храм. Проект был составлен по образцу Введенской церкви лейб-гвардии Семеновского полка в Петербурге (архитектор К.Тон).

Храм заложили в 1845 году, но строительство его растянулось более чем на полвека: в 1850 году, когда здание было почти готово, главный купол собора и четыре арки обрушились. После этого работы то приостанавливались, то вновь возобновлялись в зависимости от наличия средств. Храм строился преимущественно на частные пожертвования, которые собирались самыми разными способами - начиная от подписных листов для зажиточных томичей и кончая сбором мелкой монеты. С этой целью по городу ходили несколько стариков с кружками. Значительную сумму - 150 тысяч рублей внесла вдова купца Захария Цибульского, а другой томский купец Петр Михайлов пожертвовал на строительство более двух миллионов кирпичей. Наблюдение за стро-

ительством вели в разные годы архитекторы Деев, Набалов и Хабаров. Наконец постройка была закончена, и в мае 1900 года храм торжественно освятили.

В "Справочной книге по Томской епархии" сохранилось описание собора: "Здание собора каменное с таковым же подвальным этажом, куполом и четырема по углам башнями-колокольнями, главы и кресты купола вызолочены". В праздничные дни звонили 10 колоколов, самый большой из которых весил 339 пудов 30 фунтов.

Судьба собора оказалась трагичной. В 1929-1930 годах развернулась кампания по его ликвидации. Горожане устраивали собрания, принимали резолюции о закрытии собора, собирая сотни подписей. Предлагалось немедленно закрыть кафедральный собор и перевести туда краеведческий музей, передать колокола в фонд индустриализации. Говорилось о недопустимой близости "культурного сооружения" к вузам и важнейшим государственным учреждениям. Наконец, речь зашла о том, что служители собора вели "систематическую черносотенную агитацию". Но каких-либо свидетельств такой агитации, конечно, не приводилось. Этого, впрочем, было достаточно. В начале 1930 года храм был закрыт, четыре года спустя - разрушен.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Это одно из самых старых и красивых зданий города было построено для томского миллионера И.Д.Асташева, разбогатевшего во времена "золотой лихорадки", архитектором А.П.Деевым в 1832-1842 годах. Позже к дому был пристроен каменный двухэтажный флигель, а усадьба окружена арочной оградой. Среди деревянных построек горожан этот дом с прекрасными колоннами "коринфского ордена" смотрелся настоящим дворцом.

Хозяин усадьбы имел обширную библиотеку, которая привлекала живших в Томске политических ссыльных. В этом доме бывали декабрист Г.С.Батеньков и известный анархист М.А.Бакунин.

После смерти И.Д.Асташева усадьбу приобрело духовное ведомство для жительства томских архиереев. Тогда-то к дому была пристроена домовая церковь (ныне Концертный зал). Церковь архиерейского дома стала местом еженедельных духовно-нравственных чтений, которые сопровождался хорovým пением и показом изображений святых при помощи "волшебного фонаря". Флигель был приспособлен под службы Духовной консистории. В

подвальных помещениях разместились епархиальная типография. Кроме того, в усадьбе располагались каретные мастерские и иконописная мастерская.

После Октябрьской революции постройки были национализированы, церковь закрыта, а в конце двадцатых ее колокольня была разрушена. 14 февраля 1920 года специальная комиссия осмотрела здание и мебель и, "констатируя факт уничтожения и порчи весьма редких памятников искусства в бывшем архиерейском доме", постановила произвести в нем опись предметов, наладить учет и охрану и организовать в этом помещении "Музей старины и революции", о чем и был передан запрос наркому просвещения А.В.Луначарскому. Спустя несколько дней из Наркомпроса пришел положительный ответ.

Еще два года здесь размещался губернский отдел народного образования. Наконец постановлением Совнаркома бывший дом Асташева с церковью был передан музею. В марте 1922 года открыта первая экспозиция. В октябре того же года музей получает название Томского краевого. Музей успешно работал чуть более десяти лет. Арест в 1933 году организатора и директора музея М.Б.Шатилова означал открытое наступление властей на краеведение. В период Великой Отечественной войны экспозиции музея были свернуты, и в его стенах разместилось военное училище. В послевоенное время музей вернулся на прежнее место, а в помещении бывшей домоводной церкви с прекрасной акустикой открыли концертный зал филармонии.

Автор материалов
о Юрточной горе
Екатерина ИВАНЦОВА.

ГДЕ НАХОДИЛАСЬ МИЛЛИОННАЯ УЛИЦА?

Главный проспект города, протянувшийся на 5 километров, хранит свою давнюю и загадочную историю. Начинаясь в районе лагерей местного гарнизона на высоком берегу Томи, проходя мимо технологического института и университета, будущий ФОГОМАСТЕР проспект спускался к Новособорной площади, пересекал реку Ушайку и, соединяясь со старым торговым центром города, уходил в глубь жилых кварталов далеко за Дальний ключ. Старый проспект низал на себя многие исторические районы города: Верхнюю Елань и Подгородную Елань, Юрточную гору и Уржатку, Пески и Заозерье.

А вот единого названия у современного проспекта Ленина не было до 1959 года, когда на Базарной площади был установлен памятник В.И.Ленину, а сам проспект и площадь получили имя вождя. В разное время части проспекта носили разные названия: Большая Садовая, Почтамтская, Миллионная, проспекты Коммунистический и Тимирязева.

В 1912 году А.В.Адрианов в своей знаменитой теперь большой статье "Томская старина" писал: "Название Миллионной улицы в Томске появилось около половины прошлого столетия. Так был назван собственнотот конец ее, где жили миллионеры Горохов; Асташев, Филимонов, Попов, Сосулин. Впоследствии все эти миллионеры сошли со

сцены, разорившись и потеряв свое состояние. Улицу стали называть Почтамтской, по открытой здесь, против дома Сосулина, почтовой конторе. Продолжение же этой улицы, за мостом через Ушайку, где в то время никаких миллионеров не жило, напротив удержало до сих пор название Миллионной улицы".

Эту версию Адрианова, правда, без ссылки на ее тогда опального автора, повторил в своей книге "Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей" И.Е.Лясоцкий, а затем и авторы "Очерков по истории Томской области".

Но, на самом деле, все происходило несколько иначе. Найденный в архиве Томской области документ "Регистр улиц, на коих следует выставить доски с обозначением наименования каждой" 1853 года, является, вероятно, первым официальным актом по наименованию томских улиц. Ценность обнаруженного документа состоит, прежде всего, в полном перечне улиц, а также в том, что названия улиц распределены по восьми районам города Томска.

Полицеймейстер просил Городскую Думу "распорядиться сделать сорок две кругообразных продолговатых черных доски с белую надпись, означающие название каждой улицы по препротоженному при сем регистру..."

На Юрточной горе располагались в 1853 году улицы: Почтамтская, Дворянская, Спасская, Монастырская, Большая Садовая, Черепичная, Еланская. В "Регистре", вообще, не упоминается улица Миллионная.

Впервые название "Миллионная" появляется в документах 1867 года, но не на Юрточной горе, а в Сенной части, на Песках (это часть современного проспекта Ленина до улицы Пролетарской, бывшей Ереневской). Так, улица Миллионная никогда не поднималась на Юрточную гору, найдя себе достойное место рядом с торговым центром Томска.

Татьяна ГАЛКИНА.

ПЕРВОМАЙ 17-го В ТОМСКЕ

Впервые русские рабочие смогли отпраздновать свой день, день свободы и символа будущего их торжества - 1 Мая. И праздник сделался праздником всех рабочих г.Томска, всех населяющих его различных народностей.

По программе, выработанной особой комиссией, все профессиональные союзы рабочих и служащих, учащиеся, войска, члены социалистических партий Советов офицерских, солдатских и рабочих депутатов собрались на Воскресенской горе и у Иверской часовни, выстроились в длинные процессии и по пушечному сигналу в 9 часов утра торжественно, с пением революционных песен, под сенью красных знамен, с лозунгами, оглашавшими весь мир:

"Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

"Свобода, равенство и братство",

"Земля и воля"

"В борьбе обрешь ты право свое",

"Да здравствует свободный труд!"

"В движении - жизнь, в единении - сила" и многими другими направились среди шпалер войск и бесчисленного народа к Соборной площади. Процессия заполнила собою всю Почтамтскую улицу, принимая в свои ряды отдельные

группы из, соседних переулков. Огромное впечатление осталось от выступления военнопленных, оторванных от родной земли, от своих близких и родных. Они в этот день почувствовали, что единение между рабочими всего мира и идеи, связывающие всех рабочих земного шара, не разрушились войной, что здесь, в далекой Сибири, на краю света, они приветствуют вместе с русскими интернационал и вместе с великим народом пойдут на борьбу с врагом всего мира - капитализмом.

Среди военнопленных - один доктор, бывший на мировых конференциях социал-демократов и два инженера, принимавшие участие в рабочем движении на родине - от избытка чувств и неожиданного с их стороны зрелища торжества проповедуемых ими идей, - плакали. Военнопленных проводили долгими и единодушными криками: "Да здравствует социализм!", "Да здравствует интернационал!", "Да здравствует мир между народами!" и др.

Радостные лица не врагов, а друзей рабочих, друзей мира всего мира, загорелись при возгласе военнопленного: "Долой самодержавцев центральных империй!"

Так, по свидетельству газеты "Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов"

[N 27, 1917 г.] проходил Первомай 17-го в Томске. Томский комитет РСДРП выпустил листовку, где были такие слова: "В этот торжественный день миллионы трудящихся останавливают станки, машины, рудники, копи. Сожмнутыми рядами они выходят на улицу с красными знаменами и пением революционных песен. ... В этот день рабочие всего мира заявляют свой громкий протест против кровопролитий и войн, направленных к удовлетворению хищнических вожделений капитала".

Казалось бы, хорошие слова и призывы содержались в листовке большевиков, но как по-фарисейски выглядят все эти слова о недопустимости кровопролитий, когда тот же Бела Кун, выступавший, по словам сотрудника партархива Ф.Одинецкого, на митинге с яркой речью, в недалеком будущем загубил множество невинных людей.

Публикацию подготовил
В.СУЗДАЛЬСКИЙ

Фотография из архива
В.Г.НОВИКОВА (Новосибирск).

А ВОКРУГ ГРЕМЕЛА

24 мая 1942 года в художественной жизни Томска состоялось событие, переоценить значение которого невозможно. В разгар Великой Отечественной войны, в период тяжелейших для страны военных сражений, в старинном сибирском городе открылась художественная выставка. Она называлась "За Родину".

Далекий от центра Томск в годы войны, как и многие другие города Сибири, дал приют эвакуированным сюда заводам и предприятиям, вузам, библиотекам и картинным галереям. В числе эвакуированных была и большая группа художников. Очевидно, что именно они, приехавшие в Томск мастера, во многом определили и уровень художественной жизни города, и уровень состоявшейся выставки. Во вступительной статье каталога выставки известный искусствовед К.Ситник писал: "... группа художников, проживающих в Томске, активно участвует своим творчеством в деле обороны. Выпуск "Окон ТАСС", создание плакатов и лозунгов, участие в местной прессе, особенно в иллюстрированной газете "За Родину", оформление монументальными панно и портретами площадей и улиц, устройство тематических выставок для красных уголков и другие виды их деятельности хорошо известны жителям Томска". Среди участников выставки К.Ситник особо отметил трех художников

— заслуженного деятеля искусств Е.А.Кацмана, художников М.М.Щеглова и Л.А.Острову. К тому времени Е.Кацман был уже признанным в стране портретистом, Л.Острова — молодая, талантливая ленинградская художница, прекрасная рисовальщица, одна из главных авторов упомянутой газеты "За Родину". М.М.Щеглов был хорошо известен томичам еще по дореволюционному времени. В Томске он появился вновь после почти тридцатилетнего перерыва. Знаменитые томские "Окна ТАСС" — фактически его детище.

Конечно, основным направлением работ художников было агитационное искусство, но и будни тылового города не остались без внимания мастеров. Тот же Е.Кацман создает серию интереснейших портретов томичей: Ивана Черных, профессоров В.Д.Кузнецова и М.А.Большаниной. Несколько портретов участников "Лунинской конференции" (конференция о передовом опыте железнодорожников) были опубликованы в апрельских номерах "Красного знамени", а затем экспонировались на выставке. В числе работ томских художников выделялись пейзажи С.И.Голубина, В.И.Лукина, В.М.Мизерова.

ВОЙНА

Всех участников выставки было около 30. Естественно, это были художники разного мастерства, разной таланта, разной подготовленности. Против некоторых фамилий рядом с годом рождения и местом жительства было напечатано - самоучка, что указывало на отсутствие специального образования. Однако у составителей каталога не поднялась рука сделать это напротив фамилии Георгия Петровича Нагорского, хотя и он художественного образования не имел. Этот молодой человек (родился в 1915 году) был в Томске хорошо известен, и в художественную жизнь города к тому времени вошел прочно.

Семья Г.Нагорского обосновалась в Томске перед самой революцией. Отец - Петр Михайлович многие годы работал в медицинском институте. В школе Георгий учился хорошо, особенно выделял математику и рисование. Уже в школьные годы любовь к рисованию выражалась в том, что всюду он носил с собой блокнот и карандаш, делал наброски. Многие из этих детских еще рисунков сохранились у его родственников до наших дней. Школьным товарищем Георгия был Глеб Голубин, сын известного томского художника С.И.Голубина. Не удивительно, что первые серьезные профессиональные навыки рисовальщика юный художник получил от отца товарища. Влияние Голубина - пейзажиста - четко просматривается в зрелых работах Г.Нагорского. Другим учителем, оказавшим большое влияние на формирование Нагорского - художника - был Вадим Матвеевич Мизеров. После окончания школы Георгий поступает на

геологический факультет Томского технологического института и заканчивает его в 1938 году. Тогда же поступает в аспирантуру к профессору М.К.Коровину. Пять лет в институте, поездки в геологические экспедиции, постоянное общение с природой и беспрестанные занятия живописью окончательно сформировали Г.Нагорского в художника-пейзажиста. Природа томских окрестностей и особенно красоты Алтая - вот любимые темы художника. Год от года работы становятся все интереснее, профессиональнее. Формируется пристрастие к определенным темам, настроениям. Красивейшая и могучая сосна, как некий поэтический образ Сибири, переходит из одной работы в другую.

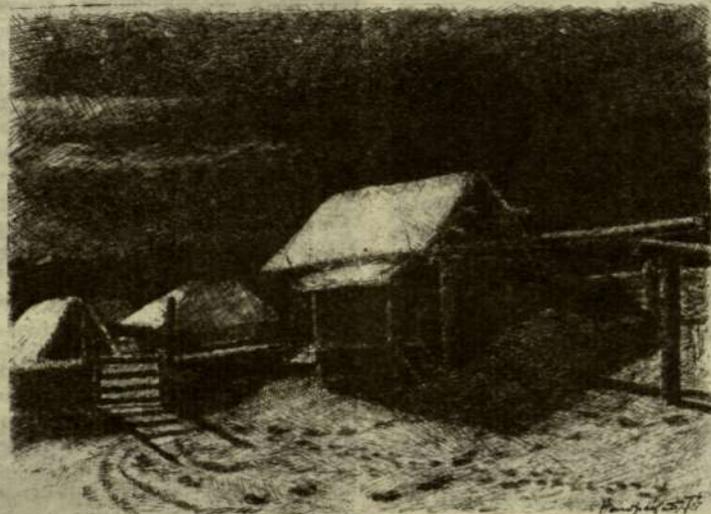
Начиная с 1940 года Нагорский - постоянный участник художественных выставок. Критика не оставила без внимания работы молодого и даровитого автора. В мае 1941 года "Красное знамя" писало: "Нагорский уносит зрителя на Алтай. Милый родной Алтай узнаешь в каждой его картине. Жаль, что полотна небольшого размера". И еще: "Алтайские пейзажи Нагорского немного портит излишняя красивость. Алтай не только красив, но и суров. Пейзажи Нагорского ценны тем, что они дают нам Алтай таким, каким он выглядит сегодня".

На выставке 1942 года Г.Нагорский был представлен десятью работами. Десять пейзажей, выполненных маслом: Алтай, Кузнецкий Алатау, Томск. Выставка для художника оказалась посмертной. В первые дни войны Нагорский уходит на фронт, уходит добровольцем, хотя профессия геолога позволяла ему остаться в тылу, в общем-то, на очень нужной работе. Поступок мужчины, поступок героя.

Георгий Петрович Нагорский погиб под Смоленском летом 1941 года.

Александр КАЗАЧКОВ.

На 4-й странице обложки и в тексте воспроизведены работы Г.Нагорского из собрания семьи Нагорских.

ДЕЛО

"В январе 1933 года ПП ОГПУ по Запсибкраю раскрыта контрреволюционная белогвардейская организация, подготавливающая вооруженное восстание с целью свержения советской власти и установления буржуазно-демократической республики... Всего следствием установлено 238 ячеек и 2114 участников организации... Организация возглавлялась краевым руководящим центром, находящемся в г.Новосибирске... По делу арестовано 1759 человек. Из них: бывших колчаковских министров - 2, генералов - 3, офицеров - 383, казацких атаманов и урядников - 36, попов - 110, бывших красных партизан - 381" (из обвинительного заключения по делу контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации в Запсибкрае).

Вот такой большой политической спектакль затеяли работники ОГПУ. И на главную роль идейно-политического руководителя определили Василия Георгиевича Болдырева. Сын кузнеца, бывший генерал-лейтенант, бывший верховный главнокомандующий Директории, он был временно прощен советской властью. Работал в Сибирской плановой комиссии, сотрудничал в печати по специальным вопросам. И вот, наконец, пригодился нашим чекистам.

В обвинительном заключении следует перечень из 15 фамилий - это те, кто являлись основными руководителями повстанческой и диверсионной деятельности. Первым в этом списке стоит М.Б.Шатилов, "бывший министр Сибирского областного правительства". Ему предъявлено обвинение в том, что "будучи членом краевой контрреволюционной организации, он по заданию центра создал в Томске контрреволюционную группу среди интеллигенции в составе 8 человек, т.е. в действиях, предусмотренных ст.58-2-II УК".

Шатилов был арестован в Томске и препровожден в Новосибирск. Оперуполномоченный четвертого отдела Погодаев заполнил анкету арестованного. Из нее мы узнаем, что Михаил Бонифатьевич Шатилов родился 23 мая 1882 года в селе Смоленском Бийского округа томской губернии, что по социальному происхождению он сын крестьянина-учителя, что в его политическом прошлом большое темное пятно, "состоял в 1917-18-м годах в партии эсеров". В графе "состояние здоровья" рукою Шатилова вписано: "слабое очень". Почерк уполномоченного плотный, острые буквы заваливаются в левую сторону, у размашистого почерка арестованного классический

наклон право.

Что ж, Шатилов, как и Болдырев, тоже как-будто нарочно "прибережен" для этого масштабного "заговора". Его биография легко вписывается в задуманный сценарий.

Общее образование Михаил Шатилов получил в Томской духовной семинарии, а специальное - в стенах университета, юридический факультет которого закончил в 1910-м. К тому же слушал лекции по истории и филологии.

В студенческую пору он всерьез занимается научной работой. В 1908 участвует в археологической экспедиции в Минусинском крае. В том же году Юридическим обществом уни-

верситета изданы его труды по кустарным промыслам Томской губернии. Поэтому неудивительно, что Шатилов - председатель (староста) Сибирского научного кружка студентов. В 1909-м он уже член совета томского общества изучения Сибири. Общество вообще заслуживает отдельного рассказа. Столько замечательных людей объединила здесь любовь к малой родине - Сибири и желание послужить ей. Видимо, здесь Шатилов близко сходится с А.Адриановым и Г.Потаниным, проникается областническими настроениями и становится их талантливым пропагандистом в печати. С 1911-го по 1917-й он постоянный автор газеты "Сибирский студент", где наряду с обсуждением проблем образования печатаются его прогнозы бу-

дущего развития самостоятельной Сибири.

После Февральской революции в Томской губернии были созданы народные собрания (таких не было больше нигде в стране). В городах и уездах, волостях и деревнях прошли выборы - всеобщие, прямые, равные и тайные. Первая сессия Томского губернского народного собрания проходила в апреле-мае. Это народное представительство поддержало идею автономии Сибири. М.Б.Шатилов в ту пору занимает достаточно видное место в органах местного самоуправления - он является товарищем председателя Томского губернского исполкома.

Шатилов редактирует в это время газету "Голос свободы" (до 21 мая - орган Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, а далее - Томского губернского собрания). Газета выходит под девизом "Да здравствует демократическая республика!" и держится, как мы сегодня говорим, умеренного направления, то есть, надеется на классовый мир и классовое сотрудничество.

На манифестации 1 мая 1917 года томичи впервые увидели среди знамен бело-зеленый флаг - символ областнической Сибири. Давняя потанинская идея автономного устройства Сибири находит поддержку и развитие. В августе в Томске проходит конференция общественных организаций, где седобородый старец Г.Н.Потанин избирается председателем Сибирского организационного комитета, задача которого - готовить общесибирский съезд.

И такой съезд открылся 8 октября в час дня в актовом зале университета (ныне старый корпус научной библиотеки). Движение за автономию, конечно, освящено именем Потанина, но более действенными борцами являются в эту пору другие. И среди них М.Шатилов, член партии социалистов-революционеров с февраля 1917 года.

Вечером 9 октября Шатилов начал свой довольно обширный доклад "Сибирь как составная единица Российской Федеративной Республики". Как фиксирует статеограмма, "за поздним временем и утомленностью членов съезда" продолжение перенесено на другой день.

Доклад Шатилова содержал основные положения автономного областного устройства. Съезд принял постановление, в котором законодательным органом была объявлена Сибирская областная дума. Она должна была получить в свое распоряжение народное достояние - земли, недра,

ШАТИЛОВА

леса и воды - на тех основаниях, которые установит Всероссийское учредительное собрание. То есть, автономная Сибирь задумывалась как составная часть Российской республики, и областники признавали главенство центрального парламента.

Октябрьский переворот, разумеется, внес определенную неуверенность в эти планы. И все-таки большевики (по крайней мере, на словах) не отрицают созыва Учредительного собрания.

На местах ощущим вакуум власти. В таких обстоятельствах 7-15 декабря созывается Второй Чрезвычайный общесибирский съезд. В состав президиума избран и Шатилов. Большевики вновь выступают с разоблачением контрреволюционного характера съезда и отзывают своих делегатов. Работа, однако, продолжается. Стверждено создание Временного Сибирского областного совета во главе с Потаниным. Совету поручено созвать думу. Это намечено на 26 января 1918 года. Но в Томск является Н.Яковлев с наказом от Запсибсовета "ликвидировать Думу до ее открытия", что и было успешно проделано. После разгона Учредительного собрания в Петрограде большевики уже не церемонятся. Шатилов арестован, вскоре, правда, освобожден. Легальная политическая борьба закончилась.

Однако после мятежа чехословаков и падения большевистской власти в Сибири вновь оживают областнические надежды. В конце 1918 года частное совещание членов думы передает исполнительную власть Временному Сибирскому правительству. Шатилов получает в нем пост министра туземных дел. И это назначение не случайно: на Первом областном съезде Шатилов был представителем Алтайской горной думы и горячо отстаивал "интересы и нужды отдельных небольших племенных организаций".

При большевиках Шатилов становится научным сотрудником факультета общественных наук Томского университета. Причем трудится он на кафедре "Туземное право и быт". В 1922-м факультет закрыт. Михаилу Бонифатьевичу предлагают возглавить открывающийся краевой музей, и с 1 сентября он становится заведующим музеем и его культурно-историческим отделом...

В марте 1923 года в Москве прошел Всероссийский совет бывших рядовых членов партии социалистов-революционеров. На другой день после конференции в га-

зете "Красное знамя" появилось "Письмо в редакцию", в котором М.Б.Шатилов посчитал необходимым публично отречься от былых идеалов, от всякой "политической активности".

Действительно, в пору становления музея он сполна отдает себя исследовательской, научной работе. Это было - при активном участии Шатилова - время расцвета этнографии в Томске. Он сам предпринимает в 20-е годы несколько экспедиций: и к хантам (остякам), и для изучения быта русского коренного населения. Его работа "Ваховские остяки" имеет непреходящее научное значение.

Однако и самоотверженная работа, и публичное отречение не гарантировали ему гражданской безопасности и неприкосновенности. Органы ВЧК-ОГПУ задерживали его не один раз. Это было и в 1920-м, и в 1921-м в связи с процессом Всесоюзного бюро меньшевиков. Арест в апреле 1933-го стал для Михаила Бонифатьевича последним.

На первом допросе Шатилов сделал признание в том, что занимал в пресловутой организации роль руководителя томской группы, "которая была мною создана в томском филиале общества изучения Сибири и ее производительных сил". Другой протокол (от 21 апреля) начинается характерной фразой: "Желая быть искренним до конца, о своей работе в контрреволюционной организации показываю следующее..." Он говорит о связях, называет имена. Невозможно сегодня узнать, почему Шатилов повел себя так, а не иначе. Неизвестно, что за методы воздействия к нему применялись. Может быть, были встречи и беседы, но отмеченные протоколом. Шатилов рассказывает о связях и обстоятельствах вербовки, излагает сущность программы. И тут вдруг читаешь просто поразительные вещи: "...Свергнув совласть путем вооруженного восстания, мы полагали восстановить в стране буржуазно-демократический строй. Формой управления новым государством должны быть советы, но советы коренным образом преобразованные. Преобразование советов должно идти по линии предоставления участия в них всем слоям населения..."

Новое государство должно строиться по принципу областей и их самостоятельного экономического и политического развития.

Крестьянство должно перевоспитываться в духе восприятия идей социализма, причем в этих целях допускается организация крестьянских союзов на основе руководства

ими со стороны социалистических групп и объединений.

Рабочий класс не должен пользоваться особыми преимуществами перед крестьянством или какими-либо другими слоями населения, как это имеет место при соввласти.

Коммунистическая партия объявляется распущенной, а в случае попытки ее к активной работе против нового государства в отношении ее должны быть приняты жестокие репрессии.

В стране должно существовать полное раскрепощение мысли, школы должны быть всякой политики, их задачи - это продвижение науки по пути прогресса.

Земля должна быть собственностью государства и на условиях аренды должна сдаваться в пользование всем желающим ею пользоваться.

...В целях поднятия благосостояния сельского хозяйства и крестьянства колхозы распускаются и вновь могут возникать только на условиях полной добровольности и самих крестьян, и ни в коем случае не могут пользоваться преимуществом перед другими формами сельского хозяйства.

Вся политическая ссылка, политзаключенные и так наз. "кулацкое переселение" должны быть немедленно освобождены и им должно быть предоставлено право вернуться в прежние свои места при известной помощи государства..."

Не похоже, что программа, которую излагает Шатилов, была ему кем-то надиктована, навязана. Скорее всего, это его истинные мысли, его политические идеи, с которыми он,

вопреки покаянному заявлению, не расстался. Здесь совершенно определенно выражено несогласие его с линией государства.

Шатилов признал вину полностью, и 12 мая 1933 года ему было объявлено об окончании следствия по его делу. Уполномоченный, заполнявший протокол, пишет, что на вопрос о том, чем он может пополнить следствие, "обвиняемый Шатилов М.Б. заявил, что полностью подтверждает все ранее данные показания, больше ничего заявить не может и просит при рассмотрении дела учесть его полное раскаяние и желание работать дальше." На последней строке этого документа рукою Шатилова добавлено: "Также учесть мое социальное происхождение - сын крестьянина, сельского учителя".

В августе 1933 года постановле-

нием коллегии ОГПУ Шатилову была определена мера наказания - заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.

Время и место смерти Михаила Бонифатьевича неизвестны. Затерялись и следы его семьи. Жена Ольга Александровна с детьми (в год ареста сыну Игорю было 17, а дочери Галине - 10) вынуждены покинуть Томск. Ее нигде не брали на работу даже уборщицей. Уехали они, по слухам, в Кемерово, но в адресном столе этого города сведений о них нет.

В 1959 году Шатилов был реабилитирован.

Владимир КРЮКОВ.

[Автор выражает признательность за помощь в работе сотрудникам УКГБ по Томской области и работникам Томского государствен-

ного объединенного историко-архитектурного музея].

Эти снимки из фондов Томского историко-архитектурного музея публикуются впервые. При сравнении с известными фотографиями М.Б.Шатилова сотрудники музея пришли к заключению, что на тех и других - один человек.

На первом снимке Михаил Шатилов в студенческой шинели во время учебы в Томском университете (до 1910 г.)

Второй можно ориентировочно отнести к 1913 году.

Публикация фотографий ст.научного сотрудника Л.В.КИСЕЛЕВОЙ.

Из плена времен

В НАШЕМ ГОРОДЕ ВЕСНОЙ ЛЕТ 105 НАЗАД

Кроме прочих событий, будораживших по весне привычную жизнь томичей, были наводнения. К ним привыкали, о них помнили и напоминали о возможных последствиях городской управе.

Очередной сюрприз Томь преподнесла горожанам в апреле 1887 года. К 12 часам дня 13 апреля вода поднялась так, что отделила Заозерную часть от остальной части города, а на следующее утро жители этого района выжирались к центру только на лодках. Ущерб томичам был принесен немалый.

Газета "Сибирский вестник", выходящая в то время в Томске, за 17 апреля давала сообщение, что в погребе мещанина Носова затоплено более 600 пудов мяса на сумму с лишком 1000 рублей. У многих жителей вода затопила нижние этажи домов, печи оказались размытыми. Небольшие домики в Заисточье все оказались под водой до самых крыш, они напоминали островки с сеном, посреди которых сидели люди, ожидавшие спада воды.

Ушайка поднялась так, что залила все ближние постройки и вышла на Большую Болотную улицу. Городская лечебница, рынок, вся пристань - под водой, которая вышла даже на Миллионную улицу... У стены дома Банникова, где магазин Макушина, полоскают белье... Вода подняла тротуары. Как всегда в таких случаях, отмечала газета, люди собирались на "навозном мосту", чтобы удовлетворить свое любопытство. На этот раз "чудо-зрелище" чуть было не стоило им жизни. Мост под тяжестью толпы оборвался и вместе с любопытными рухнул в воду. Спасались кто вплавь, кто на лодках.

Не остались безучастными к судьбам людей те, кто имел материальную возможность оказать помощь. Через газету "Сибирский вестник" обратился с предложением о безвозмездной помощи Иосиф Карлович Качковский, который при-

глашал жителей Заисточья в свой загородный дом, где могли разместиться семей 25. Гостеприимный хозяин убеждал, что в сырых, непросушенных домах оставаться нельзя ввиду возможных болезней.

Галина ЯЛОВСКАЯ,
доцент ТПУ.

Актуальная цитата

Всеволод СИБИРСКИЙ

Христос, явись! Могучей волей
Нечестья узы разорви,
И Русь родную светлой долей
На правый путь благослови.

Года идут тяжелой муки,
Кровавых сцен, позорных драм,
И отлетели счастья звуки,
И опустел священный храм...

Любви завет забыт великой,
Растопан доблести венец,
И все смешалось в злобе дикой,
И пожирает волк овец.

Под мраком дня ликуют совы,
И хищник - духом окрылен,
Народу жребий же суровый,
Как встарь, и ныне уделен.

В чаду всеобщего бессилья
Мы тщетно молим небеса
И напрягаем все усилия,
Чтобы свершились чудеса.

Но век чудес в дали туманной
Для мира скрылся без следа,
И до земли обетованной -
Бог весть! - дойдем ли мы когда.

Хаос кругом... Благой, всемогущий!
Явись - и волею своей
Поток целебный и обильный
Любви евангельской излей.

Умолкнут пусть проклятья, стоны,
И мы увидим - без тревог,
Как раздвигаются колонны
И открывают вход в чертог.

(«Сибирские отголоски»,
25 декабря 1908 г.)

СПАСИБО! ПОКА ЖИВЕМ.

Эксперимент введения "Сибирских Афин" в журнал "Томская старина", судя по всему, увенчался успехом: совместное издание при всей полифоничности, похоже, ничуть не потеряло в целостности.

Напомним читателям, что эксперимент слияния газеты и журнала был обусловлен необходимостью сокращения полиграфических расходов. Однако, пока готовился первый совместный выпуск, удельные расходы на полиграфию поднялись более, чем втрое. Это опять поставило под большой вопрос существование журнала. Обращения в областное управление культуры, в штаб "Томского хода" за финансовой поддержкой оказались безрезультатными.

И не вышел бы очередной этот номер, если бы редколлегия не нашла понимания у предпринимателей новой формации, для которых макушинские традиции - не пустой звук. Ими оказались президент Томского Клуба сибирских предпринимателей Александр Павлович Потапов и директор инженерно-производственного предприятия "Эталон" Цхай Эдуард Борисович. Мы от всей души благодарим их, обещаем на своих страницах подробнее познакомить читателей с нашими меценатами, а Потапова Александра Павловича, обещавшего финансовую поддержку и последующих номеров, решением редколлегии называем попечителем журнала, внося это в свои выходные данные и предполагая, что со временем у журнала будет свой попечительский совет из числа прогрессивных предпринимателей, которым дороги "Томская старина"-журнал и томская старина - дух.

Надеемся, что в Сибирских Афинах так оно и будет.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Владимир КОЛЫХАЛОВ

(ИЗ КНИГИ "КОГТИ ДЬЯВОЛА")

Как-то мне надо было решить один вопрос с Лигачевым и, как нередко бывало, я поджидал его на пути к приемной.

Обеденный перерыв подходил к концу. Прохаживаясь по темноватому коридору, услышал его голос: Егор Кузьмич что-то рассказывал и смеялся. Идущие с ним ему вторили. Увидев меня, Лигачев показал жестом:

- Вот сейчас у писателя спросим... Какой новый анекдот появился в Томске?

- Калаба в банке, - не задумываясь, ответил я.

откидывал голову, снисходительно щуря чуть выпуклые глаза.

Как мэр, он смотрелся на сто процентов. С него можно было лепить скульптуру преуспевающего джентльмена.

Я уже признавался, что у меня к нему возникло расположение с первого знакомства. Было видно, что делами в вверенном ему горисполкоме он управляет успешно.

Я заметил, что Геннадий Михайлович ценит хорошую музыку, читает серьезных писателей и судит о них вполне здраво.

Однажды заговорил со мной о

ТАЙНЫ

своем месте, что никто и предположить не мог о скором его смещении. Бывал я по делу в его кабинете, нередко видел и слышал, как включался прямой телефон - от Лигачева. Геннадий Михайлович, с картинной ленцой, брал трубку и говорил впротяг:

- Слу-ушаю, Юрий Кузьмич...

Лигачев о чем-нибудь спрашивал или давал указания. Калаба ему отвечал твердым голосом и достойно. Подхалимства в нем не было.

Банкеты Калаба любил и на них верховодил.

Были у нас молдаване с разно-

Это вызвало новый взрыв хохота. Хорошо подкрепившись, партработники были не прочь посмеяться.

О Калабе я упоминал. *Ген Мих.*

Нахрапистый, дерзкий мэр нашего города ни перед кем вью не гнул, а если б и вздумал вдруг перед кем-нибудь попаясничать, покривляться, то у него бы не вышло: короткая шея гиревика была не способна к поклонам. Он ходил, как живой монумент, грузно, вальяжно, слегка покачиваясь и побалтывая волосатыми, мускулистыми руками. Он любил похохатывать и при этом

Георгии Семенове. Я сказал, что знаком, вместе в одной редколлегии одного уважаемого журнала.

- Георгий Семенов - хороший охотник, - еще добавил я. - А мне это близко...

- Недавно прочел у него "Уличные фонари". - Калаба всей тяжестью туловища налег на спинку кресла. - То, что он пишет, созвучно моему духу.

Я обещал привезти ему из Москвы эту книгу с автографом. И привез...

Калаба так прочно сидел на

образным своим искусством: красиво плясали и пели, читали стихи и картины показывали. А на прощание устроили ужин в гостинице "Томск". Кухня была полностью молдавская. И вина тоже. Старые коньяки не уступали французским...

Мы с художником Александром Шумилкиным выбрали место с краю стола. Напротив сидел композитор Евгений Дога и потчевал нас, но сам при этом не брал в рот ни капли спиртного.

Все говорили тосты и много смеялись. Слезко поглядывал в на-

«ТОМСКОГО ДВОРА»

шу сторону и решил почему-то, что мы смеемся над ним. Я помотал головой и бросил взгляд налево. Из туалета как раз возвращался к столу Калаба. Шел он, выпятив грудь, а из распахнутой настежь ширинки торчала белым клочком рубаха.

- Сегодня веселого много, Петр Яковлевич! - сказал я громко. - Вон Геннадий Михайлович выйдет сейчас на эстраду в оригинальном наряде с оригинальным жанром!

Калаба и сам тут заметил свою оплошность, круто сделал на каблучках поворот кругом и быстро исправил пикантную неряшливость в своем отужоженном костюме...

В определенные дни мэр принимал по жилищным вопросам. У меня они были тоже.

Писатели в Томск просились, зная, что квартирами их обеспечат. Принимали, конечно, талантливых.

Из Красноярска к нам перебрался уроженец Тогура Николай Волокитин, автор известной повести "На реке да на Кети", сборника милых рассказов "В пору грибных туманов". Лигачев его книги прочел, сам с ним лично беседовал.

Приморский писатель Иван Басаргин забросал меня письмами, и вскоре тоже оказался у нас с семьей.

С Калабой в устройстве быта писателей мы и сотрудничали. И все у него с нами шло нормально до той поры, когда время пришло расширить квартиру фантаста Виктора Колупаева.

Колупаев свою двухкомнатную получал от завода, где он начинал работать после института. Теперь горисполком эту квартиру решил забрать, а завод ее отдавать наотрез отказался. Завязался суровый узел. Калаба заартачился, хотя все документы были готовы, подписаны.

- Сходи к нему сам, - предложил я Виктору Дмитриевичу. - Он мэр читающий, а ты у нас широко известен. В Японии переводят тебя, в Америке... Геннадий Михайлович, пожалуй, и рад будет с тобой познакомиться...

И Колупаев пошел.

А вернулся ужасно расстроеным.

- Перенес унижение, какого еще не испытывал. - Даже природная смуглость исчезла с лица фантаста - так был он морально подавлен. - Вельможа, барин, точно я перед ним - холол!

Я тут же хотел позвонить мэру, высказать ему возмущение, но по-

остыл и предложил Колупаеву изложить суть его беседы с Калабой письменно и как можно подробнее.

На другой день Виктор Дмитриевич принес мне четыре страницы машинописного текста. Я начал читать, и внутри меня "заискрило". Вот Калаба брюзжит: "Вы все ко мне ходите, ходите, все у меня просите, просите, а я вам даю, даю... Попрошайки!"

Я составил занозистую записку на имя Лигачева, но, поразмыслив, отнес ее в общий отдел обкома Геннадия Федоровичу Кузьмину, честному, аккуратному человеку, с которым судьба свела меня с первых дней моего появления в Томске.

- Передайте ее прямо в руки Калабе, - попросил я его. - Пусть почитает и устыдится. Может быть, у него в тот раз было скверное настроение. И все равно он так не должен был говорить с уважаемым человеком...

Результат был такой: мэр месяца два со мной не здоровался.

А малое время спустя и грянула вот эта новость: Калаба смещен с поста!

По городу зазмеились поземкой

слухи: квартиру мэра обыскивали, нашли - де меха и валюту, приезжали-де следователи из Москвы выяснять, сколько квартир и почему продали при участии председателя горисполкома...

Я присутствовал на том активе, где Лигачев говорил в конце своего выступления:

- Вы от меня ждете ясности по делу Калабы. Скажу: он опорочил себя как коммунист. Вскрылись большие нарушения законности. Нам предстоит разобраться и сделать выводы...

Вскоре опять собрали крупных чиновников области, и я тоже там был. По Калабе отдельно выступил Литвинцев, в то время первый секретарь горкома, позже перекочевавший в Москву на учебу, а затем в Тулу первым секретарем обкома. Его речь была уже иного цвета:

- Калабе объявлен строгий выговор, в партии он оставлен. Имейте в виду, что это человек много сделал для нашего города, и мы не в праве умалять его заслуги...

Никто не прошел к трибуне и к сказанному Литвинцевым ничего не добавил и не убавил. Зал был

воспитанный, вышколенный. Критика? Возражения? Где там! И дунения не было. Только радуга нависала над всеми собраниями. Аллилуйя, осанна - сие позволялось.

Это и привело к той глухоте, в которой мы все едва не задохнулись.

Тучи над головой Калабы расseyались. И оказался он в стройбанке управляющим. А в обществе родился анекдот по созвучию ...с камбалой: "Калаба в банке".

Мне не известно, сам ли Геннадий Михайлович "вышиб дно" в банке и "вышел вон", или его оттуда убрали по указанию выше. Только я уже встретил бывшего мэра в Стрежевом в роли инженера-строителя, кем он и был по профессии. Не потускнев ничуть, он говорил мне, смешком прикрывая обиду:

- Гоголя надо сюда, Щедрин! Такая сатира бы вышла! Заполучика ты материал, да грохни... Оговняй меня и рады! А сами-то, что ли, такие уж чистенькие? Я бы тебе рассказал... Я тебе расскажу...

Я долго ждал этой встречи и этих рассказов о тайнах известных лиц. Увы! Уклонился Геннадий Михайлович, или его "уклонили"...

Уже в наши дни по Томску пронесся слухок, как шелест могильных цветов, что "дело Калабы" подняли, расследуют. Будто бы Гдлян с Ивановым, прорубая тоннель к "тайнам Кремля", "заудили" и бывшего нашего мэра. Но ветер, мол, быстро унялся, и шуршание на этом могильном холме прекратилось.

Пламя не возгорелось, головки загасли.

Навсегда ли?

Тоже не ведаю...

Со временем, может, и станем мы свидетелями большой сенсации. Прольется свет истины и над нашими васюганскими топями. А пока известно (и то не всем), что, когда следствие стало шириться, прокурор области Князев (ныне покойный) был вызван в Егору Кузьмичу. Вернулся прокурор "с грустной думой на лице". Все материалы следствия он запер в сейф. Ясно, что прятали концы в воду. Ни одно крупное должностное лицо оказалось с пушком на рыльце. Иначе, чем мог запугать томский мэр столь могучего человека, каким был Егор Кузьмич Лигачев? Не одними же пятнами грязи, что могли прилететь на генеральский мундир "командарма".

Хотя и пятен "стеснялись". Даже малейших.

Перед моими глазами маячит оплывшая фигура Курта Зоммера.

Курт Иосифович при Лигачеве "держал" торговлю в "Томлеспроме". Торговать было чем, оборот шел, кажется, миллиона на полтора. За кругляк та же Япония или Финляндия посылали товары отборные. Но все заграничное было вечно у нас в дефиците. Дальше базовских кладовых импорт обычно не уходил. А по базам любил шнырять жены больших начальников. Принимали их там "на уровне послов".

Зоммер тоже не гнал их взащей. Как все, так и он. Как везде, так и в нашей губернии. Но Курт Иосифович велел подчиненным вести при этом строгий учет. В особую тетрадь заносили фамилии "посетителей" баз, а против фамилий проставляли купленные товары. Допустим, явилась с черного хода щукой-разбойницей жена какого-нибудь секретаря обкома. Пришла пустая, ушла с узлом. За собой она слышит: "Мы рады, что вам угодили! Приходите еще!" А вещи уже записаны, будь то мохеровый шарф, песцовая шапка, австрийские сапоги или французский бюстгальтер. Если бюстгальтер, то указаны и цена, и размер. Уж размер-то можно было и не выказывать - утаить, но Зоммер был скрупулезен...

Все шло шито-крыто, тетрадка, наполненная сплошь пикантными данными, убралась бы со временем в личный архив Курта Иосифовича. Вместе с богатой ее фототекой, где на многих кадрах был запечатлен сам Егор Кузьмич во время совместных поездок на север.

Но!

Одна дотошная женщина в зоммеровской конторе обозлилась на все эти торговые безобразия и пожаловалась в Москву, прямо Пельше. От председателя партийного контроля страны жалобу отфутболили... для рассмотрения на месте. Бросили камень в трясину: утонул - и кругов не оставил. Замаяли. Загладили острый сигнал! Тогда правдоискательница, не пожалев собственных денег, сама рванула в столицу, засела в приемную Пельше и была наконец-то принята. Пельше выслушал ее и сказал: "Как это у вас там вышло, что один Зоммер подвел под монастырь всю областную партийную организацию?!"

И Курта Иосифовича поставили "на ковер". Ему бы упасть на бюро на колени, покаяться, а он, чудотворец, стал листать и трести досье, всех называть, кто бывал у него на базах, что купил и унес...

Круто с ним обошлись. Сняли с работы. Грузный, округлый, он заболел, но вины не признал.

И в самом деле! Напраслину и черт не любит. Кругом воровали, растаскивали страну, как и теперь растаскивают, а он... всего только отпуская дефициты за деньги господским женам, а попробовал бы не отпустить! Тоже скушали бы, только под другим соусом.

И досье собирал он, конечно, зря. К чему было "гласности" предавать размеры грудей жен обкомовских служащих?

Всяк человек бывает по своему чуден.

Фото Е. ЛИСИЦЫНА.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Поймать неуловимое. Мечта, тонкая, как паутинка. Чем озабочены? Май. Актывый зал Дома творческих организаций. Конкурс поэзии. Молодежь, зрелые люди. Усталые женщины, с нагруженными руками. Забыты кошелки, авоськи. Поэзия не хлеб, а просторный зал полон людьми.

Нет, никто из тех, что торгуют резиновой жвачкой, сюда не ринулся. Не пришли потребители "Анжелики". Но у поэтического слова, у поэзии всегда будут свои приверженцы, в любые времена. Не хлебом единым. И живет Мечта, и звучат стихи, музыка.

Вот почему и в этом мае мы не отступили от традиции, провели конкурс поэтов. Рады были и призы, и все собравшиеся. Мечта непобедима!

А теперь - слово победителям конкурса поэтов.

Борис КЛИМЫЧЕВ.

✓ **Катя Приходовская**
1 место. [8 лет].

Наши души - бедняжки:
Словно хромые дворняжки,
Ходят они по судьбе.
Им не дойти до небес!

Безжизненная жизнь: вот правда, а не ложь.
Пустому телу орден жизни дан.
Судьба, мать жизни, душу ты убьешь,
Она погибнет от глубоких ран.

Но время снова душу возродит,
Хоть для тебя она немного значит.

Она так одинока!
У ворот стоит...
Стоит и плачет...
Стоит и плачет.

Пройдет очень много веков...
И жизнь унесет, как пушинку...
Средь зелени, красок садов
Стоит, погибает осинка.

Все люди погибли давно.
Но кружится жизни пластинка.
Средь зелени, красок садов
Стоит, погибает осинка.

Но жизнь возвратится, я знаю.
Не мы ее будем встречать...
"Спаси, человек, умираю!" -
Устала осинка шептать.

Осинка нас просит, не зная,
Что некому ей помогать.
Судьба шепчет ей, повторяя:
"Погибшим нельзя воскресать!"

Не слышно людских голосов -
Безрадостна эта картинка...
Средь зелени, красок садов
Стоит, погибает осинка.

Татьяна Родина ✓
2 место.

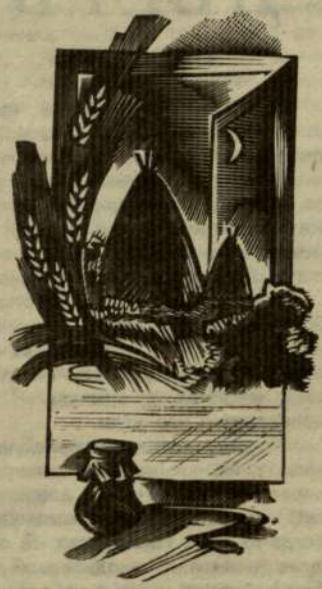
Буду тихой и печальной.
Буду вслед тебе глядеть.
Буду слов твоих звучанье
Разбивать на медь.
Буду вечером молиться
В ветхом домике своем.
Буду вспоминать я лица,
Все, но только не твое.
И тебя среди прохожих
Обещаю не искать.
Как же тяжело, о Боже!
Нам любимых забывать!

РАЗГОВОР С СЫНОМ

- Снег идет...
- А где же ножки?
- Снег идет.
- Скажи куда?
- Погостит у нас немножко
И - в другие города...
- Снег уйдет...
- А он вернется?
- Снег уйдет...
- А что потом?
- Будет улыбаться солнце...
С теплым ласковым дождем.

Как стирает время лица
В памяти у нас...
Мне б хоть раз еще напиться
Света твоих глаз.
Осунуть хоть на мгновенье
Рук твоих тепло,
Мне б одно прикосновенье
Помогло.

Я плакать - не плакала
Слезы-вода.
Ворона накаркала:
Здравствуй, беда.
Уснуть не сумела
В долгую ночь.
Измаялось тело -
Больше невмочь.
Пролегла морщина
Поперек лба.
Узнаю причину.
Скажу: "Судьба..."

Татьяна Кияшина ✓

Серые волны дыма
Стелятся из трубы...
Где ты сейчас, любимый...
Можно ли все забыть...
Синий, холодный вечер...
Белый, печальный снег...
Глупый, наивный лепет...
Пьяный, счастливый смех...

Ирина Киселева

Мы только под прямым углом
друг к другу,
И это, видно, истина, а не вина.
И потому обречены на муку
Существования вдвоем,
Я это поняла, когда я
в лес вошла.
Учиться бы у мудрости
природы,
Уж ежели не научили годы,
И, как сосна, мистический
солдат,
Смотреть тихонько на закат,
Молчать и стоя умирать,
Все принимать и сладость
трепетной осины,
И рдяное горение рябины,
Быть гордой изо всех
из нежных сил,
Но - только б ты меня
простил...

Валентин РОДИН

ДВЕРЬ

(РАССКАЗ)

Ей хотелось закричать одним разрывающим тишину - "а-а-а!" Но тишина имеет свойство охранять себя неподвижностью, тайной угрозой, чем-то неожиданным, что может последовать за криком. Она может взорваться из немоты и все погубить. Тишина требует уважения.

Вера Николаевна торопливо, бесшумно прибралась в кухне, комнате: линолиум в коридорчике протерла тряпкой, умылась, потушила свет и легла в постель - шел двенадцатый час ночи.

За делами она все прислушивалась - не хлопнет ли внизу, на первом этаже, входная дверь: "ахты!" - два почти слитных удара. Когда-то Вера Николаевна не обращала внимания: входите-выходите, "ахайте" дверью себе на здоровье - нет дела. Сейчас она прислушивалась, ожидала, когда же внизу стукнет дверь и послышатся легкие, быстрые шаги - возможно не шаги, а лишь шорохи, короткие отзвуки бетонных лестниц и шатких перил. Шаги все ближе, слышнее и вот они затихли на площадке у двери в квартиру...

Лучше не прислушиваться, не ожидать, а заснуть. Заставить силой воли. Читала, запомнилось: Наполеон силой воли засыпал даже, к примеру, когда бросил свои войска и мчался на перекладных из России в Париж. Ей, Вере Николаевне, тоже надо уснуть и сохранить силы - завтра предстоит балансовая... Тоже сражение. Хотя, было бы за что? За "тришкин баланс"?.. Сначала ограбят, а потом условия: чтобы волки сыты и овцы целы... От разоренного, униженного, зачерстувшего душой человека требуют чуда, а он сам только на это и надеется, ждет пришествия Спасителя... "Но что же молчит эта проклятая дверь? Нет - все! Спи давай, а то с какой головой пойдешь на работу?.."

Вера Николаевна поворачивается набок, поджимает ноги и ей кажется, что она перестает ощущать свое тело - такое легкое, еще чутко послушное, не очень отягощающее ее богатней по кабинетам врачей и консультациям. Правда, так хочется порой ласки, неги покоя, расслабленности... В темноте можно не чувствовать своего тела, раствориться в невесомости, вознестись духом, воспарить мыслью и...

полетели.. полетели... Несколько раз Вера Николаевна бывала в таком странном состоянии, когда видишь себя чужой, будто с небольшой высоты или со стороны. Идет по тротуару маленькая сухонькая дамочка "а ля ретро" у самой финишной черты и "бабьего" и "вселенского" века. Она бойко отстукивает высокими каблукками, пряменько держит спину, голову, сохраняет тень улыбки в глазах и на губах лица еще не увядшего, привлекательного, а если кто вглядится, и милого. Идет она в толпе движения озобоченного, угрюмого, беспощадного. Толпа эта равнодушна более к таким, как она, нежели

машину таксиста-частника. Машина, провизжав тормозами, остановилась в сантиметрах от Веры Николаевны. "Куда прешь, с..?!" - будто хлыстом стеганул ее шофер. "Простите!" - крикнула она. Бежала потом и плакала. Более всего обидело, что водитель был красив: стандартно-кудрявый брюнет с голубыми глазами и ослепительной подковкой ровных зубов. "Красивый и по виду добрый, а такой хам! Ужасно!.. Лучше не вспоминать и спать-спать!.." Вера Николаевна перевернулась на спину, вытянулась в струночку, чтобы затем расслабиться и "поднырнуть" в волну покоя. Не "подныривалось", хотя тишина уба-

к тем, в коих еще не поддельны и сила, и радость, к тем, которые "еще", а не "уже". От сознания этого ее иногда охватывает такое отчаяние, такая безнадежность, что словом невыразимо, а лишь криком: "А-а-а!" В душевной слабости Вера Николаевна прибавляет шаг, чуть не бежит, почти не видя перед собой, и все пространство заполняется одним этим криком. Но закричи она на самом деле, кто отзовется, кто бросится утешить, ободрить, поддержит и не даст упасть? Однажды в таком вот состоянии она чуть не попала под

юкивала, приглашала: "спи давай, спи..."

Она перестала слышать тиканье настенных часов. "Идут или не идут - ничего не слышу!.." - Вера Николаевна открыла глаза: отраженный тусклый свет прополз на потолке ленточкой и исчез.

"Обещал сегодня никуда не ходить. И все же обманул, ушел... За мои заботы, жертвы, за мою материнскую любовь!.. Вот она - сыновья благодарность! Какая жестокость!.. Сама, сама виновата! Слишком долго верила в торжество честности, справедливости... Ах, ка-

кая же доверчивая, наивная дура! Не понимала, что в жизни побеждает трезвый расчет, терпение, хитрость... Только эти всегда сыты, довольны, спокойны и знают, зачем они живут... И какая все же пошлость: болтаться среди наглых и пошлых девчонок... Вертихвосток, кривляк, незрелых дур... Возможно, наркоманок и спидоносок! Как не понимать очевидной опасности! И погубить свою юную жизнь!.. Погубить, не сделав даже попыток чего-то добиться... Не захотел учиться. Теперь валяй!.. Таскай раствор, меси глину, клади кирпичи, бей молотом!.. Пусть мальчики других "благородных" и богатеньких родителей "шьют золотом"..."

Тишина в квартире росла и уплотнялась. Она медленно заполнила коридоры, лестницы, этажи, дома, улицы и весь город. На ближней железнодорожной станции замолчали тепловозы, на путях перестали стучать вагонные колеса. Можно было подумать, что тишина не знает времени. "Который час? - думала Вера Николаевна. - Наверное, так поздно, что все, что должно произойти, уже свершилось? Не зря предчувствие начало терзать с той самой минуты, когда пришла с работы и увидела, что его нет... Наверно, уже так поздно, что вот-вот утро... А потом звонок в скорую, в милицию, в морг... Хотя, сразу ли подбирают? Будет лежать где-нибудь не найденный, не узна-

ный, изуродованный... Видела однажды такого: вытащили из люка теплового колодца. Вместо лица - кровавое месиво..."

Вера Николаевна отшвырнула край одеяла, села. "Какой тут, к черту, сон!.. "Но что это? кажется дверь?.. Нет, не дверь - в трубе отопления ударило. Никто в подъезде по ночам не уходит и не приходит. Скоро по вечерам перестанут ходить. На днях мужчину в шесть вечера зарезали. На остановке подошли и ножом в бок. Говорят, сопяк лет четырнадцати... И не поймали. Кому нужно? Все за двойными, тройными замками. Каждый в своем тесном углу, в своей берлоге..."

В доме, на проспекте нет никакого движения. Да и весь город молчит, будто провалился в бездну, в черную дыру, и нет конца этому падению.

"Господи, будь милостлив к моему сыну... Оставь в живых раба божьего. Как это молилась когда-то бабка Лукерья?.. Господи Иисусе!.. Ничего не запомнилось... Да и не верю! Все материально, все конечно!.. В институте по основам и диамату преуспевала... Верила в торжество идей... Господи, какое это счастье, если бы ты был!.. Но не верю! Не верю! Не верю! Затюкали, отучили, отлучили... Но все же помоги мне! Помоги, Господи!.. А придет - уж я ему! Хватит издеваться! Хватит терпеть! Знай

время! Не надейся на доброту, на любовь! ненавижу!.."

Вера Николаевна представила, как она схватит "лентяйку" с длинной деревянной ручкой и начнет охаживать сына по тощим его ребрам, плечам. А что он?.. Она не могла представить, что будет, потому что никогда сына не била. Но теперь она... Да она убьет его, подлеца! Вот так!" Вера Николаевна с силой хлопнула по подушке и упала на нее лицом, мокрым от слез. И в голове стукнуло - удар от переживаний? Но ведь это дверь! Внизу хлопнула дверь! Идет!.. Господи, идет! Счастье-то какое - идет. Знакомые шорохи летящих шагов, щелчок замка. Он! Вера Николаевна приподнялась, села в постели.

- Ты?.. - не спросила, простила.

- Да, мам... Так получилось: провозжал товарища и немного задержался.

"Счастье-то какое - пришел! Пришел!.. Господи!"

- В духовке котлетки поешь! - держась за голову, сказала Вера Николаевна, упала в постель и тотчас уснула.

В это время на другом конце города дежурный врач скорой принимал вызов.

- Приезжайте скорей! Пожалуйста!.. С мамой очень плохо и я не знаю, что делать! - отчаянно молил в трубке девичий голос.

Владимир АНТУХ

[3 место на конкурсе поэтов].

из цикла "ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ"

Был труден путь и долог,
Но шла наверняка
Через тагильский волок
Дружина Ермака.

В страну полночной тени,
Где нет дороги вспять,
Чтоб пали на колени
Югра и самоядь.

Чтоб шел в Сибирь купчина,
Осваивал страну,
И чтоб текла пушнина
В Московскую казну...

А следом шли от века
Напасти и нужда,
Но по таежным рекам
Вставали города.

Встречь солнцу путь кончался.
Могуч и окаян,
У самых ног качался
Великий Океан.

ТОМСК. Век XVIII.

Чтоб в неведомых землях Тоiana
Город выстроить, красен вельми,
Сквозь седые разводы тумана
Шли дощаники вверх по Томи.

Никогда не будил эти дали
Мерный стук топоров на заре.
Стены города грозно вставали
На крутой Воскресенской горе.

Новый город срубили до срока.
Под горой серебрилась река.
И цеплялись за башни острога
Уходящие вдали облака.

Город жил в нищете, а не в неге.
Он горел. Но не был покорен.
Город жил. Отражая набеги
Кочевых, непокорных племен.

Время смутное. Было непросто.
Легкой доли себе не просил,
Оставаясь надежным форпостом
На восточной границе Руси.

Алоиз Крылов

ВОДОВОЗ

Этюды
детства

По последнему снегу в деревню с чудным именем Светлянка наехало начальство с наганом. Зайдя в правление колхоза "Заря" и кое-что выяснив, милицкий чин похода провел политинформацию и откланялся, никого не забрав.

Колхозник, ворча, запрягал его коня.

- Чего ты бормочешь, дед? - спросил залетный гость.

- Дак вот ведь: одному человеку - и двадцать пять тысяч! А мы-то робим-робим. Двадцать пять тысяч - дак как же?

Милицкий смолчал. Ему бы продлить политчас, растолковать мужику, что работа работе рознь. Вместо того, прибыв в райцентр, он сдал темного возницу в НКВД.

- Зачем он нам? - удивился НКВД-шник. - Мы по брагам давно отчитались, сполна.

- Дак как же? - уперся бдительный страж. - Он же против Сталинской премии. Пиши: против

товарища Сталина...

Магия грозного имени разила без промаха. Велеречивого хлебороба, не мешкая, направили в округ. В лучшем случае ему корячилося двадцать пять лет - по годику за каждую тысячу щедрой сталинской награды.

Прекрасен город на Оби, а лучшая его улица - конечно же, улица Дзержинского! Деревянные домики, балкончики - и еще красивая мостовая из шестигранных чурбачков.

На одном доме есть даже третий этажик. А на балконе той скворешки, почуяв весну, буйствует малец. Он поет, гремя подносом, и ни что-нибудь - "Интернационал"!

- Весь мир Василья мы разрушим...

Это что за Василий такой? Видно, плохой - вроде царя, а то и царь. И герой в революционном

экстазе лупцует гулкую медь.

...С "Интернационалом"

Воспрянет...

Что это такое - "вос-прянет"? Похоже на пряник - значит, хорошо. Так лети, победный гимн, по правильной улице Дзержинского! Как же это здорово - жить в такой правильной стране!

А через дорогу, окна в окна - еще один этаж-скворешник. Ребят в том доме не видно, а вот военный дядька смело идет туда по важным взрослым делам. Дядька слышит гимн и улыбается. Он свой: за красных и против Василья!

В широченном коридоре окружного НКВД было тесно. Ряд за рядом, от стены к стене, сидели на полу бедно одетые люди: иной с узелком, кто-то и так.

Сколько их - сотня, полторы?

Военного - он оказался всего-то паспортистом - чекисты завернули с порога: не до тебя!

- Кто такие? - спросил он, выходя.

- Кто, кто, - буркнул начальник. - Троцкисты...

Не зевало черное ведомство -

Томский летописец

1883 год.

Мы слышали, что командированный для производства работ по соединению Енисейской водной системы с Обской инженер Аминов прибыл из Енисейска в Томск для наемки рабочих, так как в Енисейске чувствуется недостаток рабочих рук, но и здесь тоже не нашлось охотников принять его предложения, и господин Аминов отправился в Кольвань.

["Сибирская газета", 15 мая].

1891 год.

Мы имели случай осмотреть и полюбоваться блюдом, солонкой и альбомом, предназначенными для поднесения от Томского городского общества Государю Наследнику Цесаревичу в проезд через наш город. Все эти вещи работы известного мастера Овчинникова.

Блюдо серебряное, позолоченное, украшенное по кайме роскошной филигранной работы эмалью, среди которой четыре герба, из которых три государственных и внизу герб Томской губернии. Выпуклая середина предстает из себя Императорский щит из порфиры с золотой короной наверху, а на середине щита эмалированная буква Н. Солонка в русском стиле с арабесками, филиграном и эмалью, того же, как блюдо, рисунок.

Альбом: нижняя доска темно-синего бархата с орнаментами по углам и четырьмя золотыми эмалированными подставками. Верхняя доска кованого серебра, позолоченная, с эмалью, а посредине доска белого матового серебра, на которой два герба, один, с левой стороны, личный Государя Наследника Цесаревича, а другой - с правой - герб г. Томска. На блюде и альбоме надпись: "Его Императорскому Высочеству Благоверному Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу от Томского городского общества. Томск, июль 1891 года".

["Сибирский вестник", 21 июня].

1901 год.

Шестого мая на Обрубе, возле дома № 10, собралась тьма народу всех возрастов, полов, племен и состояний. Останавливались даже экипажи.

Привлек внимание этой толпы граммофон, находящийся на втором

этаже указанного дома. Публика слушала музыку и пение до глубокой полночи.

Говорят, что граммофоны и в других частях города пользуются большим вниманием прохожих, и эти последние простаивают под окнами по несколько часов.

Итак, поздравляем томичей с новым развлечением, тем более приятным, что на развлечение это денег не требуется.

["Сибирская жизнь", 8 мая].

1908 год.

По слухам, жители Заозерья были в воскресенье напуганы необычным явлением. По улицам и дворам прошел смерч. Начался он около часа дня на Иркутской улице и медленно пошел по дворам Заозерья, срывая доски с крыш домов и подни-

мая массу пыли и разных мелких предметов. Столб смерча был совершенно черен и издали производил впечатление дыма от пожара.

Обойдя по Заозерью, смерч побывал у водонапорной башни, укладбища, затем вышел на Иркутский тракт, где ему повстречалась процессия еврейских похорон. Не доходя до остановившейся процессии, смерч свернул в сторону.

Явление это вызвало тревогу пожарных, и команда добровольно-пожарного общества долго ездил, отыскивая пожар.

["Сибирские отголоски", 20 мая].

1912 год.

Нас просят обратить внимание на беспорядки, царящие в движении дачных поездов по Томской ветке. Поезда подходят к площадкам или раньше, или позже расписания. Нетрудно себе представить, с какими неудобствами и неприятностями сопряжено для дачников каждое опоздание поезда или неожиданный уход поезда раньше расписания.

Кроме того, в поездах всегда недостаточное число дачных вагонов. Стоишь, и рядом на несколько ваго-

нов приходится 300-400 пассажиров-дачников. Теснота и давка в вагонах невозможная. Ко всему этому нужно прибавить еще и недостаточное, иногда грубое отношение поездной прислуги.

["Сибирская жизнь", 9 июня].

1915 год

Начальником губернии С.А. Володимировым получено от канцелярии Императорского Двора следующее уведомление: "Канцелярия по приказанию г.министра Императорского Двора покорнейше просит ваше превосходительство объявить высочайшую государя Императора благодарность собранию ревнителей трезвости и жителей города Томска за вознесенные на празднике молитвы и выраженные в вашей телеграмме чувства".

Означенный всемиростный ответ Его Императорского Величества последовал в ответ на всеподданнейшее обращение С.А.Володимиров от имени собрания ревнителей трезвости и жителей города Томска с выражением Государю Императору верноподданнических чувств и веры в то, что и после окончательного одоления врагов внешних запрет на продажу спиртных напитков не будет снят.

["Утро Сибири", 1 июня].

1918 год

Совет Верхне-Еланского попечительства о бедных обратился в городскую управу с просьбой о предоставлении ему вновь Лагерного сада в целях устройства в нем народных гуляний.

Лагерный сад был отобран от попечительства совдепом... За короткое время хозяйничанья большевиков в саду причинены повреждения аллеи и построек.

["Голос народа", 9 июня].

На днях в один из комиссариатов был доставлен мальчик С., по виду лет 15-16, помешавшийся в рассудке, очевидно, под влиянием момента. Мальчик называет себя комиссаром и всех направо и налево производит в комиссары и обещает всем прибавку жалования или же объявляет не понравившихся ему - арестованными.

["Голос народа", 11 июня].

Публикация
Валерия СЕРДЮКА.

Томский летописец

Валентина Кудрявцева

ПШЕНИЧНЫЙ КОРОЛЬ

СКАЗКА

Давным-давно
 За синими морями
 Дворец стоял
 На берегу реки.
 Там жил король
 С пшеничными бровями,
 С его волос
 Слетали колоски.
 И стоило ему остановиться,
 Рукой коснуться
 Собственных волос,
 Как золото,
 Отборная пшеница,
 Ссыпалась
 На серебряный поднос.
 Тогда еще
 Не сеяли пшеницу,
 Не знали,
 Что хлеба родит земля.
 Все поклонялись
 Королю-кормильцу
 И славили кормильца-короля.
 Король был добродушный
 и веселый,
 И никому не причинял вреда.
 Свою пшеницу
 Раздавал по селам
 И отправлял обозом в города.
 Он мельницы построил
 И пекарни.
 И королевский пекарь
 Дядя Глеб
 Следил, чтобы
 И девушки, и парни
 Умели печь
 Румяный пышный хлеб.
 И если удавался хлеб душистый,
 Довольный пекарь говорил:
 -Хорош! -
 Вот это хлеб! -
 Янтарно-золотистый,
 На маленькое солнышко похож!
 И жили в королевстве том
 безбедно,
 Галушки ели,
 Шаньги, калачи,
 Варили квас
 В котлах большущих медных
 Весной пекли
 С изюмом куличи.
 Приход весны
 Был праздник необычный,
 Веселый,
 Как девичий хоровод
 Звенела песня,
 Что король пшеничный
 Пшеницей кормит
 Весь честной народ.
 Король сиял,
 Он ликовал от счастья,
 Закручивал пшеничные усы.
 В веселье общем
 Принимал участие -
 Любил пшеницу ставить на весы.
 Но как-то раз,

Каким-то знойным летом,
 Один бродячий скоморох иль шут,
 Согнувшись в три погибели
 при этом,
 Просил зерна насыпать ровно пуд.
 Король ту просьбу выполнил
 С подвохом:
 Сыпнул ему не пуд, не два,
 А воз!
 Зерном почти засыпал скомороха.
 Глаза оставил, волосы и нос
 Пока народ
 Над шуткою смеялся,
 Минуты две, не более, прошли
 Но скоморох
 Куда-то подевался,
 Один колпак его заношенный
 нашли.
 Толпа молчала.
 Ни смешка, ни вздоха.
 Ни с чем
 Пришли гонцы со всех дорог.
 Как в землю провалился скоморох,
 Или колдун
 Под видом скомороха.
 От этой мысли
 Людям стало жутко,
 А их король
 Совсем повесил нос.
 Колдун
 Жестоко отомстил за шутку -
 Все меньше падало
 Пшеницы на поднос.
 А к старости
 Король
 Стал просто лысым.
 Облезли брови,
 Выпали усы.
 Мешки пустые
 Доедали крысы,
 И жил король
 Последние часы.
 Пришлось ему
 С той участью смириться.
 Нет хлеба.
 Но какой с бедняги спрос.
 Давно уже не сыплется пшеница,
 И почернел
 Серебряный поднос.
 Примолкли девушки,
 И не шутили парни,
 Худели дети
 И просили есть,
 Но не было
 Ни булочки в пекарне,
 На колобок
 Пшеницы не наскресть.
 Король решил
 Проулками пустыми,
 Чтобы в глаза
 Проходим не смотреть,
 Уйти из королевства
 И в пустыне,
 Вдали от дома,
 Лечь и умереть.

Но не дошел,
 Свалился и заплакал.
 Рукой задел последний волосок,
 И вызрел колосок
 Святого злака,
 Один-единственный
 Последний колосок!
 И зернышки
 Скатились прямо в поле.
 Слезами почва смочена была.
 И выросла пшеница!
 И на воле,
 На воле, в чистом поле
 Зацвела.
 Король смеялся.
 Он не верил чуду.
 Он даже передумал умирать.
 - Ведь, если хлеб
 Земля родит повсюду,
 Я должен все,
 До зернышка собрать!
 И дожил.
 И дождался урожая-
 Две пригоршни
 Отборного зерна!
 Указ издал:
 - Отныне оглашаю:
 "Пшеничной"
 Называется страна.
 Велю беречь
 Пшеницу
 Пуще глазу!
 И чтоб земля
 Ухоженной была,
 Чтоб стар и мал
 Усваивали сразу,
 Что хлеб -
 Всему земному -
 Голова!
 И с той поры
 За синими морями,
 На берегу
 Красавицы-реки,
 Где жил король
 С пшеничными бровями,
 Я собираю в поле
 Колоски.
 Как хорошо, светло
 На сжатой ниве!
 Звенит земля
 От детских голосов!
 И знаю я:
 Нет никого счастливей
 Искателей
 Пшеничных колосков!

Борис КЛИМЫЧЕВ

ПОВЕСТЬ

1.

Как хотите, но до 1934-го года я ходил мыться в женское отделение. Получалось это по причине необычайной густоты и спутанности моих волос. Такими они стали тоже не без причины.

До 1934-го мы жили в том же доме, где и после, но только в нижнем этаже, в полуподвале. И комната у нас была всего одна. Это позже у отца появился друг - домхоз Штанев, которому мой отец починил бесплатно одни часы, а другие - подарил, Штанев и перевел нас на второй этаж.

А когда мы жили еще в полуподвале, был голод. У взрослых потом было много воспоминаний об этом тяжком периоде, но я его запомнил плохо, видимо, не вполне прочувствовал. Отец не только хорошо в мастерской зарабатывал, но еще по выходным продавал на базаре собранные им из разного лома часы. И приносил иногда домой в специальном потайном кармане то пакетик с горстью муки, то пару картофелин, то еще что.

Однажды мать испекла из муки с отрубями блины и поставила на широкий подоконник, чтобы они остыли. На минутку отвернулась, посмотрела - блинов нет. Выглянула в окно - никого.

Потом по ночам у нас сами собой стали открываться ставни. Тогда отец и привел домой огромного пса. Он был помесью овчарки и боксера, такой весь широкий, мордатый, курносый.

Однажды ночью пес разбудил нас своим рыком. Мать с отцом встали, а в окошке уж и стекла нет. Наша псина вдруг скакнула в оконную дыру, и кто-то закричал неподалеку от нашего дома.

Отец с топором в руке кинулся на улицу. Мать, прижимая меня к себе, кричала:

- Коля, вернись, Коля!

На полянке, напротив нашего дома, отец увидел лежащего дужего мужика, пес свалил его и ронял длинную слюну со своих страшных клыков. Второй мужик скрылся в кустах возле Ушайки.

- Убери его, ради бога! - хрипло попросил верзила.

- Ладно, - согласился отец, вы только больше сюда не ходите.

После этого случая отец награждал нашу собаку звучным именем - Маркиз. А до этого мы не знали, как ее называть, дело в

том, что эту собаку для отца словили на одной из улиц собачники.

Маркиз стал как бы членом нашей семьи, и когда мы оставались с ним вдвоем, я, сразу же начинал изображать из себя Климента Ворошилова, а моим гнедym в яблоко жеребцом должен был быть Маркиз. Он понимал, что имеет дело с малышом, и только если я делал ему чересчур больно, добродушно ворчал.

Вы, может, удивитесь, но от этой верховой езды до мытья в женском отделении бани протянулась невидимая нить.

После нескольких недель моего тесного общения с Маркизом у меня на голове появились лишай, такие круглые лепешечки, величиной с пятак. Я расчесывал голову до крови. Мать ругалась и требовала вышвырнуть "эту заразную" собаку вон.

Отец сходил на Тверскую, тринадцатую, и вызвал участкового док-

тора Кузнецова. Это был очень тихий и вежливый доктор, он не совал мне в уши всякую гадость, как делали другие доктора, он не лез ко мне в горло ложкой, он просто подул на мои волосы и выписал рецепт. В тот же день мне намазали голову ужасно вонючей мазью. На другой день меня сводили в центр города, где в приземистом одноэтажном здании мою голову погрели какой-то необычной лампой.

После лишая сошли, а волосы стали так расти и завиваться, что знакомый отцов парикмахер, прежде чем меня стричь, долго одобрительно цокал языком и сказал:

- Жаль даже ножницами касаться.

- Буденновцы с такими космами не ходят, - сказал отец.

Как ни странно, парикмахерская эта до сих пор находится там же, напротив центральной аптеки, хотя ни отца, ни матери, ни того парикмахера, ни моих пышных во-

НА БЫСТРОЙ ВОДЕ

лос давным-давно нет на свете.

Тогда я своим волосам ничуть не радовался. Почему в дни потрясений, когда в стране бывает голодно, холодно, людей терзает еще и вошь?

Мать не терпела никакой грязи, пусть тряпки старые, но все - чистые, посуда всегда сияла, за грязь под ногтями могла запороть. И остригли меня, и на улице почти не выпускали, но волосы мои быстро отрастали, и в них вновь заводились вши. Мать пыталась их вычесать частым гребнем, но зубья гребня ломались, а паразиты в волосах оставались.

Мыться мы ходили в приземистую длинную Крестьянскую баню, окна которой были замазаны густым слоем известки. Отстояв полутора-часовую очередь в кассу, мать сказала отцу:

- Сегодня он пойдет мыться со мной, ты опять не сумеешь промыть ему эти проклятые космы!

Должен заметить, что я всегда выглядел моложе своих лет. Отец был среднего роста, а мать была совсем маленькой, но в то же время пропорционально сложенной женщиной. Один мой знакомый писатель про таких дам говорит: женщина в подарочном издании. Вообще-то для конкурсов красоты нынче выбирают красавиц голенастых - под метр семьдесят ростом, но - кому что нравится, как говорится. "Подарочность" моей матери сказала на мне таким образом, что в мои три с лишним года мне давали от силы полтора. Я это переживал весьма болезненно, кто же не мечтает поскорее вырасти?

И вот мать, схватив меня за руку, потащила в женское отделение. В моечной, не обращая внимания на мои стоны и крикательство, она принялась мне намыливать голову куском серого хозяйственного мыла, мылилось оно плохо, это ее злило, она пихала мне пену в уши и кричала:

- Покрути там пальцем! Кому сказала! Хорошенько! Потом проверю носовым платком, пожелтеет - ухо оторву.

Я страдал. Мы говорим про детство - золотая, безмятежная пора. Подумайте, если у ребенка кто-то сломал любимую игрушку, разве это для него не то же самое, что ваша поломанная жизнь? Если у трехлетнего человека найденный им заветный цветной камешек отберет четырехлетний силач, разве для малыша это не то же самое, что

для вас нападение бандитов? Потрясение то же, если не большее. Хрупкое создание входит в жизнь, и всюду, на каждом шагу поджидают его огорчения, разочарования, беды, опасности. Преимущество у него перед вами только одно: у него больше времени осталось для несбыточных надежд и мечтаний.

Каждый раз, когда мы вновь шли в эту Крестьянскую баню, я с надеждой спрашивал:

- Может, сегодня буду мыться с папой?

Но она вновь вводила меня с собой. Возможно, эта попытка продолжалась бы еще год или даже два, но, попривыкнув к этим баннным терзаниям, освоившись в женском отделении, однажды я проявил некоторое любопытство. Вообще-то я облек свой вопрос в весьма деликатную форму, спросив у матери: действительно ли люди в женском отделении сильно отличаются от тех, которых я привык видеть в мужском, или это мне только так кажется? Я сам не ожидал такого эффекта: сидевшие рядом тетки вдруг закрылись тазами и одна из них возмущенно сказала:

- Это безобразие - приводить сюда такого большого мальчика, он на меня так смотрит, что я вся краснею.

Мать сказала:

- Подумаешь, младенца застеснялись, ему еще и года нет, что он понимает?

Она задела-таки меня за живое. Как это мне года нет, когда еще в июне мне исполнилось три, а теперь уже декабрь?

Стараясь не быть писклявым, я сказал:

- Мне же скоро четыре.

Три женщины закричали разом:

- Банщика позовите! Пусть их выведет. Привела почти взрослого мужика да еще зубатится, халда!

- От халды и слышу! - поднялась с лавки мать, угрожающе поднимая железную шайку, ноздри ее раздувались. Она схватила меня за руку, выдернула в предбанник, там, шепча ужасные ругательства, надела на мое мокрое тело одежку, сама тоже оделась, не вытираясь, и мы выскочили на улицу.

- Скотина! Оторвать бы тебе твой поганый язык!

В ее шалых зеленых глазах было столько ярости, что мне стало холодно, как в сорокоградусный мороз, хотя на улице было тепло.

С тех пор я стал ходить в мужское отделение бани, да так и

хожу до сих пор.

Тогда же, в начале зимы, у нас в гостях был домхоз Штанев и говорил такие слова:

- Вам, Николай Николаевич, как человеку с золотыми руками, жить в полуподвале невозможно. К тому же часы у вас тут. Ведь вот - голод, а мазурики намазали медом бумагу, чтобы выдавить у вас стекло. На расходы пошли, знали, что все может оправдаться.

- Да я часы дома не держу, - смущенно говорил отец, - если только срочная работа какая...

- У часовщиков и золотишко бывает, - продолжал Штанев, - не зря же собачку отравить пытались.

- Не отравить. Нищий пришел, кусок колбасы Маркизу бросил, - рассказывал отец. - Я сразу понял: нищий, а колбасой швыряется. С чего бы это? А Маркиз его за штанину зубами - хват, дескать, держи его. А потом обернулся да как зарычит на колбасу. Я ее разрезал, а там кончики от иголок. Маркизик-то почуял.

- На втором этаже вам будет спокойнее и площадь больше, две комнаты - не одна. Другой уровень жизни, достойный передовика. А сюда приехавшую из деревни семью помещу, пусть к городу привыкают.

Вот после этого мы и переехали на второй этаж. Оттого, что мы стали на два метра ближе к небу, жизнь наша как-то сразу забурлила. А может, мне так казалось, потому что именно тогда я стал быстро взрослеть.

✓ ПЕСНИ "ДОРОГИ" ("...Эх, дороги-пыль да туман...") МОГЛО НЕ БЫТЬ

В давнем, 1972 года, сборнике известного нашего поэта-песенника Льва Ошанина "Островитяне" есть такое стихотворение:

"Волжская сторонка лесная,
Детство, полное маминых слов.
Лучшим художником, из всех,
кого знаю,
Был Михаил Михайлыч Щеглов.
Наверно, в живых давно
уже нет его,
И мне неизвестны его труды.
Но он меня за волосы,
Пятилетнего,
Вытащил из волжской воды."

Лев Иванович родился в 1912 году, значит, описываемые события относятся к 1917 году. Стихотворение написано уже зрелым писателем и говорит о доброй памяти к человеку-спасителю. Вряд ли можно упрекнуть поэта в незнании "трудов" художника. Случайная и счастливая встреча!

А вот томичам творчество русского-советского художника Михаила Михайловича Щеглова известно довольно хорошо. Два очень важных для творчества М.Щеглова периода связаны с Томском. Первый период становления, с 1906 по 1913 годы. Второй, почти трехлетний период, - годы Великой Отечественной войны (с осени 1941 по осень 1944 гг.)

Михаил Щеглов наиболее известен как мастер сатирического рисунка. Большая часть его творческого наследия относится к этому жанру художественного творчества.

Конечно, томичам более всего

знакомо творчество художника второго, военного периода. Его знаменитые "Окна ТАСС", листы "Дневника Отечественной войны", многочисленные рисунки на страницах томских газет. Это объясняется, с одной стороны, относительной "недавностью" периода, а с другой тем, что в собраниях томских музеев в основном работы военных лет.

Значительно меньше знакомо творчество М.Щеглова первого томского периода. Шесть с лишним лет - срок для молодого, интенсивно работающего художника, довольно большой. Работ было великое множество, но удаленность во времени и существенные изменения в жизни общества не способствовали нормальному сохранению наследия мастера. Оригинальных произведений, относящихся к тому времени в

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ.

Тип томского студента.

М. Щеглов.

Томске, сохранилось мало. Можно пересчитать по пальцам.

Правда, в научной библиотеке ТГУ и в нескольких частных собраниях хранятся редчайшие теперь томские сатирические журналы 1906-09 годов.

Несмотря на то, что фраза "Начало XX столетия - золотой век почтовой открытки" стала уже "дежурной", само многообразие типов старинных открыток изучено мало. Многие из них вовсе неизвестны.

Между тем, Михаил Щеглов в своем творчестве не избежал "модных" течений. К настоящему времени можно назвать до 40

работ(рисунков карандашом, акварелью), подготовленных им специально для воспроизведения на почтовой открытке.

Прежде всего, это две знаменитые его серии: "Из жизни остряков" и "Сибирские типы", великолепно изданные в цвете П.И.Макушиным, большая серия открытых писем(совместно с другим томским художником-сатириком В.И.Романовым) на тему "Томские типы" и множество отдельных фото-открыток, выпущенных в местных фотомастерских.

О популярности открыток томской тематики работы М.Щеглова говорит тот факт, что большинство из них использованы по назначению, т.е. прошли почту. При этом содержание рисунка, юмор находили отклик у авторов писем. Вот пример. На открытке "Перед экзаменом", отправленной в Тобольск в редакцию "Сибирского листка", читаем: "Неделю тому назад получили мы-студенты-технологи, извещение, что министром разрешено в апреле месяце производить у нас в институте экзамены согласно ходатайству совета профессоров. Теперь, на 6-й неделе Великого поста, разрешено Его Превосходительством производить экзамены. Думаю, в этот экзаменационный срок сдать теоретическую механику, книжица всего разве в три раза будет поменьше книг, изображенных на этой открытке".

Александр КАЗАЧКОВ.

НА СНИМКАХ: открытки 1910 года из серии "Тип томского студента" и рисунок (впервые опубликованный в иллюстративном приложении к газете "Красное Знамя" - "За Родину")

А тут и так, без разговора,
Выдать грабителя и вора.
(Из собрания автора).

✓ Вениамин КОЛЫХАЛОВ

ЮМОРИНКИ

Год текущий Обезьяны,
Со снабжением изьяны.
Поневоле скорчишь рыло,
Как макака и горилла.

Говорят, что за погляд
"Ассорти" конфетного
Лупят по рублю подряд
С люда безответного.

Бизнес делают старушки
Не в валюте, а в рублях:
Предлагают раскладушки
На прокат в очередях.

Лозунги катились лавой,
Кумачи горели сплошь.
А теперь на гроб и саван
Ткани нужной не найдешь.

Переученный марксист
Отвистел про цены.
Стал художественный свист
Исполнять со сцены.

Фермер "Беларусь" купил -
Две недели с горя пил.
На него ухлопал ссуду,
Дом, корову и посуду.

Я растительное масло
Уговаривал: расти!
И сказало масло мне:
- Подрости могу в цене.

Хорошо в первопристойной
Горбачу и лигачу.
Ну а я в воде фенольной
Все сухарики мочу.

У чинов губа не дура.
В бизнесе походном
Разбрелась номенклатура
По местам доходным.

Колобок, колобок,
Все местечки нам открой -
Куда деньги уволок
Из казны партийный рой.

Дед яйцо по рынку носит,
Продает почти за так:
За желток пятерку просит,
За белок всего трояк.

Бабушка искала кекс,
А купила книжку с е к с.
С этих славных пор старуху
Потянуло на с е к с у х у.

Открывает первый съезд
Независимый подъезд.
У крыльца идет граница,
Предъявите визы, лица.

Нынче ленинцам раздолье,
Им не надобно подполье.
Расползлись по биржам,

банкам,

Служат долларам и франкам.

Превратились годы в шлак.
Будь, Россия, в силе!
Красный шутовской колпак
Долго мы носили.

Прошел агит-ажиотаж.
Рождается иное братство.
Мой вечный беспартийный стаж
— Мое бесценное богатство.

Фоторепродукция Н. ПОТАПОВА.

В проходной стоит вахтер,
Ох и дяденька хитер!
У Маланьи между ног...
Колбасу ущупать смог.

На такси езда - не сон:
Поздно или рано
Будет полный в ы т р я с о н
Твоего кармана.

Телевизор наш "Кристалл"
Раз в ремонте побывал.
Привезли домой, включили -
Вместо Томска смотрим Чили.

В перестроечной эпохе
Зажирают вши и блохи.
Штаты не догнать по мылу.
Не помоеет мама Милу.

Начитались мы софизмов -
Сколько тяготы очам!
Бродит призрак коммунизма,
Ажно страшно по ночам.

У начальства есть резон
Ввести медвежий рацион.
Пусть сибирский наш народ
Лапу зимами сосет.

Требуются повара
Суп варить из топора.
Для трудящегося люда
По червонцу это блюдо.

Перекупки. Переторги.
И рублекружение.
Не окажемся ли в морге
При таком снабжении?

В этом рисунке томский художник Владимир Кан попытался изобразить нашего незабвенного краеведа В.П. Домаевского, которого редколлегия "Томской старины" длительное время тщетно пытается "отловить". Попытки эти действительно бесперспективны, так как пуги-дороги нашего вечно странствующего энтузиаста все чаще проходят по северным урманам и васюганским болотам, нежели по пыльным старинным Томским улочкам.

Вполне допускаем мысль, что где-то там, за 60-й параллелью, краеведческие поиски более продуктивны, чем в Томске, но в то же время нам доподлинно известно, что бутылка водки там стоит значительно дороже (где-то около 300 рублей). Говорят, северяне давно уже приловчились потреблять антикомаринную жидкость и прочую химию, но она - не для желудка истинного краеведа.

"Так когда же нас-то почтите своим вниманием, Владимир Павлович? - эпистолярно поинтересовались мы у нашего неуловимого коллеги. - Адрес наш прежний: Томск, пр. Ленина, 111. "А вот как только проспект имени Ленина переименуете в проспект имени Потанина, - эпистолярно ответил нам В.П. Домаевский, - так я сразу же у вас и появлюсь. И с добротным краеведческим материалом, и с дорогой трехсотрублевой.

Что ж, над этим, пожалуй, стоит подумать. Тем более, что Григорий Потанин сделал для нашего города несравненно больше, чем тот, именем которого назван главный проспект города.

Сибирская киношкола Западно-Сибирского отделения Союза кинематографистов России и ассоциация независимых киностудий Сибири, Урала и Дальнего Востока приглашают желающих получить профессиональное образование по следующим специальностям:

- кинорежиссер
- редактор-сценарист кино и телевидения
- кино- и телеоператор
- диктор и ведущий телепрограмм
- менеджер кинопроизводства
- Преподаватели киношколы - ведущие мастера кино и театра России,

- драматурги, экономисты.
- Срок обучения - два года.
- Обучение заочное, платное.
- Справки по адресу: **630087, Новосибирск, ул.Немировича-Данченко, 122. Союз кинематографистов. Телефон: 46-24-61.**

"Мир искусства" и "Серебряный век".

Так называется выставка, открывшаяся в середине июля в Томском художественном музее. В экспозиции - оригинальные гравюры, акварель, книжная графика, рисунки, эскизы, редкие открытки, авторами которых являются такие ярчайшие имена, как А.Бенуа, К.Сомов, М.Добужинский, Д.Митрохин, А.Остроумова-Лебедева, Г.Нарбут, К.Петров-Водкин, М.Врубель и многие другие мирискусники.

- Из каких музеев прибыли эти экспонаты? - интересуются томичи. - Из Москвы? Санкт-Петербурга?

- Все эти произведения "прописаны" в нашем городе, - рассказывает организатор выставки искусствовед Валерий Служивцев, - и со многими из них томский зритель знакомится впервые. Часть из работ хранится в запасниках нашего музея, другая - из частных собраний томичей - Владимира Марьина и Александра Казачкова.

Органично дополняют экспозицию изящные вазы, статуэтки, подсвечники и прочий антураж, невольно вызывая сходство выставочных залов с художественными салонами начала века. Словом, выставка "Мир искусства" и "Серебряный век" являет собой пример великолепного замысла, воплощенного в жизнь талантливыми и неравнодушными людьми.

Р.СТЕНЬКИН.

На снимке Н. Потапова: организаторы выставки на вернисаже.

Выпуск подготовили:

СОРЕДАКТОРЫ: - Владимир Суздальский, Александр Казачков, Александр Казанцев.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ - Галина Венделева.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР - Владимир Марьин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Станислав Вавилов
 Надежда Дмитриенко
 Вениамин Колыхалов
 Борис Климычев
 Эдуард Майданюк
 Валерий Сердюк
 Леонтий Усов.

Главный попечитель журнала Александр Потапов.

ЭТАЛОН

ИНЖЕНЕРНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ВНЕДРЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

«ЭТАЛОН»

- принимает заказы на:
- разработку и изготовление оборудования для производства кирпича методом полусухого прессования,
 - изготовление фрезерно-пильных агрегатов для переработки тонкомерных бревен по безотходной технологии,
 - электро-монтажные работы,
 - проектно-конструкторские работы,
 - разработку и изготовление элементов фирменного стиля,
 - изготовление визитных карточек, фирменных бланков, рекламных листовок, объявлений, афиш, пригласительных билетов и конвертов,
 - копирование чертежей, газетных и журнальных статей.

НАШ ДЕВИЗ - КАЧЕСТВО И СКОРОСТЬ

**Обратившись к нам СЕГОДНЯ, Вы останетесь нашим партнером
НАВСЕГДА**

ИПВП "ЭТАЛОН", 634021, г.Томск, пр.Фрунзе, 118.
тел. 26-63-65, 90-88-04.

Образ

НАШ АДРЕС: 634032, г.Томск,
проспект Ленина, 111, тел. 22-52-52.

Печать офсетная. Тираж 4000. Заказ N 4222
Типография издательства "Красное знамя",
г. Томск.